

Ничего в доме Тюки не менялось.

По вечерам Лев Арнольдович сидел с рюмкой коньяка у радиоприемника и слушал «Эхо Москвы». Каждый раз, когда шло обсуждение событий за день, он скорбно вздыхал.

Если ему казалось, что дети балуются, он их ловил, бил, а потом за шиворот забрасывал в комнату. Вначале в комнату влетал Любомир, он рыдал и потирал загривок, за ним на диване оказывался Христофор, которому отец давал увесистого пинка, после, подгоняемые веником, вбегали Глафира и Ульяна. Девочки потирали ушибленные спины.

Я после работы зашивала детские платья и колготки, сидя на полу на куче одежды и постельного белья. Рядом валялись рюкзаки и спальный мешок Партизанки и Революционерки.

Тем вечером дети окружили меня и начали жаловаться на отца. Но я не успела их дослушать: дверь открылась, и мимо нас пролетела Аксинья, а за ней с воплями вбежала Марфа Кондратьевна, в которую Лев Арнольдович запустил железный совок. Она увернулась, и совок с размаху врезался в игровую приставку.

– Что же ты делаешь, старый паразит?! – завопила правозащитница.

– Попробуйте еще раз мне, либералу, помешать слушать любимое радио! Я вам всем покажу! Я на вас живого места не оставляю! – зло закричал Лев Арнольдович, а затем, хотя я молчала, рявкнул: – И ты, Полина, заткнись,

и ни звука, а то и тебя проучу. Я вас всех веником отхожу! Не даете мне Венедиктова слушать!

– Совсем сдурел, старый мерин! – Марфа Кондратьевна недоуменно развела руками. – Белая горячка у него, что ли?

– Полина! Мама! Спасите нас! – заплакали Ульяна и Любомир.

– Тсс! Не раздражайте отца, – предупредила я. – Послушает радио, проспится и будет нормальный.

– Надо побыстрее отыскать клад и сматываться отсюда, – всхлипывал Христофор.

– Настоящие пираты не плачут, – сказала я ему.

– Что-то я боюсь выходить, а мне нужно в интернет, я статью не дописала, – занервничала Марфа Кондратьевна.

– А вы бегом по коридору... – посоветовала я.

– Он будет из кухни в меня вещи бросать! – возразила она.

– При обстреле следует бежать зигзагами. Нам в войну это помогало! Вперед! – подбодрила я Марфу Кондратьевну.

Дети прыснули. А Тюка последовала моему совету.

Едва скрипнула дверь, Лев Арнольдович запустил в нее чашку с чаем, но не попал. Чашка стукнулась о вешалку и упала на обувь.

А мы с детьми сидели тихо-тихо. Из комнаты никто не решался выйти, даже в уборную.

– Наверное, в прошлой жизни наш папа был тритоном, мама – мышкой, а ведьма Клюква – тараканом, – сказала Ульяна.

– Любите папу и маму, несмотря ни на что, хотя это иногда бывает непросто, – сказала я. – Все-таки они у вас есть.

– У нас есть ты! – сказали дети.

В пятницу вечером, проскучав всю неделю, дети Тюки ждали меня как Деда Мороза. Получив у Антилопы часть зарплаты, я пришла не с пустыми руками, а с тортом и пакетом продуктов.

– А мы песенку про папу сочинили! – сообщил Христофор.

Папа вышел в полотенце

И погнался за котом.

Полотенце вдруг упало,

Что же наш увидел дом?

Христофор залихватски выкрикивал:

Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Папа в полотенце был!

В субботу мы с детьми рисовали драконов и гномов, а потом я повела детей на Битцевский рынок, и мы купили каждому по два пирожка. Пирожки нам продали узбеки.

– Дайте с картошкой и с капустой, – попросила я.

– Это чтобы точно знать, что мы не съедим бродячую собаку! – добавили дети.

Бродячих собак вокруг и впрямь было предостаточно. Они собирались у ларька на запах съестного, но узбеки выглядели прилично и заверили нас, что они правоверные мусульмане.

Обрадованные прогулкой и обедом дети, вернувшись домой, решили поупражняться в английском.

– How are you? – спросил Христофор Любомира.

– Не смейте говорить гадости! – истошно вскричал Лев Арнольдович. – Что это еще за «хаваю»?! Мы воспитанные люди! Надо говорить «кушаю»!

Затем он начал метаться по квартире с воплями:

– Куда девалась моя чашка?

Вещи опять валялись на полу, потому что Аксинья бушевала.

Партизанка и Революционерка исчезли. Их рюкзаки и спальный мешок драли кошки.

Вручив каждому ребенку по книге, я решила записать последние события в дневник, а Глафира начала рассуждать, почему Тюка меня ненавидит.

– Маме нужна прислуга, она не хотела, чтобы ты стала нашим другом. Просто обычная рабыня. Как и всегда, – сказала Глафира.

– А я стала другом? – спросила я.

– Ты стала членом нашей семьи! Но изначально мама хотела, чтобы ты молча прибиралась, чтобы покрикивать на тебя, а если что не так – прогнать на улицу.

– Она не может пережить, что мы тебя слушаемся, – сказал Христофор, листая в прихожей книгу «Король Матиуш Первый».

– Я много лет бесплатный гувернер! Она издевается надо мной! – поддержал беседу Лев Арнольдович.

Марфа Кондратьевна выползла из кабинета:

– Никак меня обсуждаете?! В моей же квартире!

– Двадцать пять лет в шкафу висит пиджак, – перебил ее Лев Арнольдович. – Двадцать пять лет у него оторван карман. Первый год после свадьбы я напоминал тебе об этом раз в неделю, второй год – раз в месяц. Потом – раз в три года, затем – только по праздникам! Ты все это время была моей женой. Стыд!

– Кому ты нужен, дурень? – Марфа Кондратьевна пожалала плечами. – Я мировыми проблемами занята!

– Я хожу в дырах! В обносках! Мне Полина купила целые носки и рубашку! – возопил Лев Арнольдович.

– У нас в шкафу кто-то из гостей забыл добротный мужской костюм. Забирай себе. И смотри на мир позитивно! – подбодрила Тюка супруга.

– Мне не нужен чужой костюм! – грустно ответил Лев Арнольдович.

Марфа Кондратьевна снова пожала плечами и скрылась в кабинете.

– Пойдемте на Битцевский рынок, – сказал нам Лев Арнольдович.

– Опять?! – удивились дети.

– У меня есть заначка, купим картошки.

Лев Арнольдович засматривался в торговых рядах на куртки и штаны, щупал их и недоуменно качал головой при виде ценника, а мы с детьми отправились ходить по строительным лавкам.

Любомир хлопал ресницами и вздыхал:

– Лучше девчонок может быть только компьютер!

– Рекламный лозунг сочиняешь? – засмеялись мы.

А Христофор спросил:

– Полина, можно своровать гвозди?

– Нет! – ответила я.

– В хозяйстве же пригодятся!

– Нет!

– Хоть один гвоздик, Полиночка!

– Нет!

Несмотря на мои протесты, Христофор набил гвоздями карманы.

– Папа, Христофор гвозди своровал! – наябедничали Ульяна и Любомир, как только к нам подошел Лев Арнольдович.

– Предатели! – рыкнул Христофор, вываливая из карманов ворованное.

– Молодец, Христофор, – похвалил отец.

Все вытаращили глаза, в том числе и продавец хозяйственных товаров.

– Воровать гвозди надо не здесь! – неожиданно продолжил Лев Арнольдович.

– А где?! – вскричали одновременно дети и продавец.

– У того дяденьки, что прибывал гвоздями Иисуса Христа к кресту. Вот у него можно было украсть все четыре!

После обеда к нам явился Диссидент Суслик в шляпе и парадном костюме. Он сбивчиво твердил Льву Арнольдовичу, что влюбился в меня с первого взгляда, а Лев Арнольдович посоветовал пригласить меня на свидание. Бедный старый Суслик не придумал ничего лучше, чем позвать меня на могилу Бориса Пастернака.

Вдвоем ехать неприлично, не по чеченскому этикету, поэтому я прихватила с собой Глафиру и Христофора. Проблема заключалась в том, что Андрей Иванович совершенно не помнил, где находится могила Пастернака, и предложил сыграть в игру «найдем – не найдем».

«Только неприемлемое и надо печатать, все приемлемое давно написано и напечатано», – высказался однажды Борис Пастернак. Я собиралась продолжать именно эту линию в литературе. Когда я думала о том, как ему не дали рассказать все, что он видел на Первой мировой и Гражданской войнах, и как лишили возможности принять Нобелевскую премию, комок подступал к горлу.

В декабре темнеет рано, и, очутившись в Переделкине, мы сразу заблудились. С горем пополам могилу я нашла. Но тут началось самое интересное.

– Я не помню дорогу назад! – сокрушенно признался Суслик. – И даже не знаю, в какой стороне железнодорожная станция. Что делать?!

Мы поплутали, вышли к дому-музею Пастернака, но он был закрыт.

– Еще как-нибудь сюда приедем, – пообещал Андрей Иванович.

Выбрались мы к электричке чудом: я провела всех через поле, увидев вдалеке корову и пастуха, и оказалось, что это самый короткий путь до станции.

Мы ехали до Киевского вокзала в молчании.

В метро молодой парень перепрыгнул через турникет, и стоявшие рядом два милиционера окликнули его. Парень вернулся и спросил:

– В рыло получить не желаете?!

Милиционеры молниеносно прижались к стене. А нарушитель спокойно пошел дальше без билета.

– Вот и закон «один для всех», – сказала я. – Как грабить детей и старух, они храбрые, а здесь – кишка тонка...

– Скатилась страна... – согласился Диссидент Суслик и умчался к себе в Черёмушки.

Вернулись мы поздно. Я купила в круглосуточном магазине овсяные хлопья и молоко. Тюки дома не было. Лев Арнольдович в неизменно рваной футболке и ветхих штанах сидел на лавке с бутылкой. Увидев Глафиру, он налил ей стакан вина, но она, наслушавшись от меня, что пить – страшный грех, наотрез отказалась.

– Ты, Полина, портишь мне детей! Здесь тебе не Чечня! – обиженно сказал Лев Арнольдович. – Я пью самогон с одиннадцати лет!

– И чего вы добились? – спросила я.

– В смысле? – Лев Арнольдович надулся.

– Вы отлично пишете. Но разве вы стали писателем? Вы талантливы! Но алкоголь все разрушил. Загубил всю вашу жизнь!

– Не хочу с тобой разговаривать! – Лев Арнольдович обиделся.

В воскресенье Марфа Кондратьевна отправила нас в церковь. Моя давняя и осознанная принадлежность

к другой конфессии ее ничуть не смутила. Мне нетрудно было довести детей до храма, чтобы они помолились. Христофор попросил купить ему сухарики «от матушки Серафимы» и убежал к иконам.

Я сидела на заснеженной скамейке и разговаривала с Богом, как с другом. Вера человека – это главное, а религии и форма выражения – нет.

Нетрудно догадаться, что люди столетиями переписывали священные книги, но, если кто-то иногда вспоминает Бога и совершает добрые поступки, это замечательно. Пусть этим формам и обрядам ни Бог, ни пророки никогда не учили: торговать в храмах, держать там мощи, поклоняться иконам, считать белую расу выше других... Главное – чтобы люди стремились к свету, а не погибали внутри мерзлоты собственных злодеяний.

Размышляя над устройством брэнного мира, я замерзла, закрыла глаза и увидела льва с золотистой гривой. Его дух мерцал над христианским храмом, парил в пространстве. Я вспомнила, как однажды во время первой чеченской войны была в православной церкви и как мне все там показалось чужим.

Поднявшись на ступени храма, я увидела Глафиру, она посетовала, что не может найти младших.

– Удрали куда-то, шалопаи, – пожаловалась Глафира.

В этот момент к нам подскочила незнакомая бабка в малиновом платочке и стала толкаться и пихаться локтями.

– Женщина, если вы в храм, проходите, – сказала я ей. Бабка закряхтела и вздернула нос.

– Вы, деточки, прочитайте, что во-о-он на той бумажке написано! – потребовала она.

Я, по своему простодушию решив, что бабка плохо видит, начала читать:

– За разговоры в церкви Бог ниспошлет на вас несчастье!

– Ха! – победно выдохнула бабка.

– Мы не в церкви стоим, а на ее пороге. Идите с богом! – сказала я.

– Молодежь сейчас совсем от рук отбилась. Стоят тут, семечки лузгают! – завелась бабка.

– Нет у нас семечек! – возразила Глафира.

– Оговариваются, смотрите-ка, люди добрые! – не унималась бабка. – Наверняка уже не девственницы, надо бы проверить вас в медучреждении... Еще и старших не уважают!

Мы решили не обращать внимания на неадекватную старуху, каких немало вокруг, а она тарыхтела еще минут пятнадцать не переставая.

– Надо здесь бумажку повесить, – громко сказала я, не выдержав происходящего идиотизма. – Кто будет заниматься казуистикой, врать, лицемерить, сплетничать – тому гореть в аду!

Неистовая бабка замолкла на полуслове, перекрестилась и начала расталкивать толпу прихожан, покрикивая:

– Пропустите бабушку во-он к тем мощам приложиться...

Как только она исчезла, появилась монахиня с подносом для сбора милостыни. Глафира подала десятку, а я положила на поднос единственный рубль, который нашла в кармане.

Монахиня нахмурилась и строго посмотрела: сначала на меня, затем на монетку:

– Вы совсем храм Божий не уважаете, девушка? Что, десятки нет?

– Вы, вероятно, забыли, чему учил Христос, – тактично напомнила я. – Тот, кто отдал последнюю монетку, дал больше всех.

Глафира покраснела, а монахиня недовольно фыркнула.

– Слушай, Глафира, как тут не вспомнить книгу Лео Таксила «Забавное Евангелие», – сказала я.

К нам протиснулись сквозь толпу Христофор, Любомир и Ульяна.

– Полина, мы уже помолились и хотим пи-пи!

Я повела их к туалетной кабинке на улице, на которую церковники приклеили бумагу с правилами.

– Верующие, ничего не кладите в унитаз! – прочитал Христофор.

Он открыл дверь, и мы ахнули: видимо, прихожане поняли смысл написанного буквально, так как уделали весь пол кабины – некуда было наступить.

– Идите, дети, в ближайшие кусты, – посоветовала я.

Кусты прикрыл обильно выпавший снег.

Мы с Глафирой от холода пританцовывали, а Христофор из кустов орал:

– На луне пожар!

Он принял за пожар след самолета в закатном небе.

Уходя с церковного двора, мы слышали зычный голос батюшки, который пронесся над толпой:

– Помолимся за страну и президента!

– Помолимся, помолимся, – хором отвечали верующие.

– Благослови Господь великую Россию!

– Ура-а-а! – надрывались прихожане.

– Благослови Господь на долгие годы правления Путина и Медведева!

– Аминь! – выдохнула толпа.

Возвращалась я под сильным впечатлением от увиденного и услышанного, но дети меня уверили, что все в порядке: батюшка в храме часто молился за правительство и призывал прихожан следовать его примеру.

– Может, он в «Единой России» состоит? – пошутил Лев Арнольдович, когда дети пересказали ему проповедь.

Ночью я вспомнила анекдот.

Идет урок Закона Божьего.

– Назовите заповедь, которая учит уважать родителей, – просит священник.

– Почитай отца своего и мать свою, – отвечает один из учеников.

– Молодец! – хвалит его священник и смотрит на класс. – А кто скажет мне заповедь, призывающую нас уважать братьев и сестер?

Все задумываются. Тишина. Наконец появляется дрожащая рука.

– Говори, – разрешает бабушка.

Встает ученик, мнется и выдает:

– Я вспомнил. Это заповедь «Не убий!».

В понедельник мы с Христофором мчались к остановке, чтобы успеть на автобус. Иногда автобус уезжал прямо у нас из-под носа, поэтому мы махали водителю руками: я – в ужасе, что опоздаю на работу, а Христофор – из чистого озорства. Случалось, что водитель жалел нас и ждал либо обдавал клубами черного дыма и уезжал прочь. Совсем иначе водитель вел себя, если видел спешащего к остановке милиционера, живущего по соседству. Тот часто опаздывал и делал знаки водителю остановиться в неполюженном месте. Водитель всегда притормаживал, и тогда мы с Христофором тоже заскакивали в салон.

– Автобус останавливается перед милиционером, как конь перед повелителем, – восхищался Христофор.

Опрометью забежав в автобус, я перевела дух, а Христофор повернулся к милиционеру и заявил:

– Мама и папа говорят, что в милиции работают одни палачи и взяточники!

– Ну что ты, мальчик... – Мужчина в фуражке смутился под недоуменными взглядами пассажиров. – Я не такой.

– Эх, врет! – убедительно произнес Христофор. – Все вы, дяди полицейские, взяточники и друзья уголовников!

Мужчина, не выдержав поднявшегося вокруг хохота, протиснулся в конец салона.

Никита заболел, и мы с Антилопой нянчили его по очереди. Обычно мы виделись с ней только утром, да и то минут пять, и вечером – примерно столько же; поговорить нам было некогда. Но в этот раз, пока малыш спал, мы вместе сели пить чай.

– Знаете, я очень люблю Финляндию, – поделилась со мной Антилопа. – Это маленькая страна, которая граничит с Норвегией, Швецией и Россией. Там совсем другая жизнь, словно страна ушла на триста лет вперед. Мы стараемся часто отдыхать в Финляндии. Природа там – сказка!

– Я слышала от матери в детстве, что финны невероятно храбрые. Они сражались с СССР и смогли отстоять свою столицу – Хельсинки, – поддержала я беседу.

– Они наладили жизнь! Там развита социальная защита. Помощь! Знаете, Полина, это такая страна прекрасная. Россия была бы точно такой, если бы у нас искоренили коррупцию и работали законы!

– Дай бог.

– У вас сильный ангел-хранитель, Полина, – сказала Антилопа. – Много людей в Грозном убило при взрыве ракеты на рынке, а вас только ранило.

– Да, наверное, – согласилась я.

– Посижу с ребенком пару дней сама, – решила Антилопа. – А вы отдохните.

Воспользовавшись свободным временем, я взяла детей Тюки, и мы отправились гулять в предновогодний лес. Христофор баловался, таскал за косы Ульяну и Глафиру, а я его ругала. За это он пребольно стукнул меня по ноге и убежал.

– Ах ты, баловень! – крикнула я. – Если сейчас же не вернешься, никакой ты не пират и не завоеватель.

Из-за деревьев доносились непечатные ругательства, которые Христофор в последние полгода слышал от отца. Глафира заплакала, а Любомир сказал, что после пыток огнем все еще боится брата.

И тут мы увидели, что Христофор тащит к нам деревянный посох.

– Будет бить! – испугались Глафира и Ульяна. Любомир бросился бежать, но застрял в сугробе.

– Пошли прочь, это дубинка для Полины! – заорал Христофор.

– Только попробуй, Завоеватель! – предупредила я.

Дрожа от страха, Глафира отчаянно бросилась вперед и загородила меня, Ульяну и Любомира:

– Я пожертвую собой! Так велел Христос! Нет больше той любви, как если кто положит душу за други своя! Бей меня! Полину, Ульяну и Любомира не трогай!

– Отойди, дура! – Христофор отпихнул сестру. – Я не собираюсь бить малявок!

– Полина прогнала невидимую летающую камеру! Колдовство улетело на Сириус! Я Полину в обиду не дам!

Изловчившись, я дернула Христофора за капюшон, отчего он свалился в снег и выронил посох.

– Абрек, ты чего?! – вскричал Христофор. – Это я для тебя принес меч! Я не хочу с тобой ссориться! Давай сначала ты меня побьешь им, а потом – Глафира!

– Ты не собирался бить нас?! – воскликнула Ульяна.

– Не-е-ет! Я больше не буду! Обещаю! Я нес дубинку, чтобы вы побили меня, – для укрепления дружбы! – объяснил Христофор.

Вокруг вдруг стало тихо-тихо. Мы сошли с дороги. Нас окружали огромные заснеженные сосны и ели. Пришлось идти наугад. Примерно через час мы вышли к церкви, той,

в которой батюшка любил славить президента и правительство. От нее до дома Тюки было рукой подать. Выглянула луна, и под россыпью звезд мы пожали друг другу руки и поклялись больше не ругаться и не драться.

Вечером я села за редактуру стихов Глафиры, которая подсунула мне блокнот, а дети смотрели фильм «Властелин колец». Христофор забрался на шкаф, а остальные расположились на поломанном диване.

Через какое-то время сверху раздались крики.

– Что происходит? – спросила я.

– Я себя пытаю, – ответил Христофор. – Кусаю за палец и жду, когда кровь потечет.

Он показал мне красный указательный палец.

Спустя пять минут раздался новый вопль.

– Ну что? Откусил? – спросила я. – Пришивать будем?

Со шкафа выглянула его умильная мордашка:

– Я палец туго перевязал!

– Зачем? Опять пытаешь себя? Развлекаешься?

– Нет! – ответил Завоеватель. – На этот раз я кровь останавливаю! – И он показал синий, передавленный веревкой палец.

Утром на работу я поехала без Христофора, он решил прогулять уроки. Забежала в автобус и увидела у окна «дядю полицейского». Он тоже меня заметил, схватил портфель и попытался за него спрятаться.

– Я без мальчика, – предупредила я.

Милицционер счастливо улыбнулся:

– Слава богу!

Прибежав в полдесятого вечера, первым делом я поменяла нестерпимо вонявший кошачий лоток. От усталости кружилась голова, и я сама не понимала, как еще не умерла от переутомления.

По подъезду бегали два рыжих пса бойцовой породы в металлических ошейниках и рычали. Хозяина рядом не было. Я скомандовала им «Сидеть!», и они замерли у лифта.

Пока я размышляла над тем, кто мог бросить собак, оказалось, что на нашем этаже все двери распахнуты. Любомир ходил по прихожей в теплой шапке-ушанке, куртке и зимних сапогах, остальные дети сидели на диване, в трусах и майках. Грязь растеклась по всему полу, кругом были разбросаны одежда и белье, а Христофор, Ульяна и Глафира смотрели телевизор.

– Почему у вас двери нараспашку? – спросила я.

– Не знаем, – отмахнулись они. – Мы с утра смотрим все передачи подряд.

– Какой канал?

– Первый.

– Сейчас же прекратите!

– Еда есть? – оживились дети.

Я раздела Любомира, дала им бутерброды. Дети их мгновенно съели.

Сразу после этого с улицы примчался Лев Арнольдович в весьма неприглядном виде. Он начал ругать Глафиру. Причина его недовольства заключалась в том, что младших детей следовало днем отвести к Ларисе и Халилу на десятый этаж, а Глафира об этом забыла.

Дети на истерику отца никак не реагировали, продолжая зачарованно смотреть на экран. Лев Арнольдович подбежал, выдернул шнур из розетки и спрятал пульт.

– Мои дети – зомби! – кричал он и при этом пытался вырвать крепко прикрученную к стене подставку для телевизора, пригрозив сбросить его с лоджии, но подставка не поддалась.

Марфу Кондратьевну последние сутки никто не видел. Она заперлась в кабинете и не выходила оттуда. О том, что мать дома, дети даже не подозревали.

Лев Арнольдovich продолжал наводить «порядок». Топчан, на котором спала Акси́нья, был завален огрызками яблок. Сверху на него Лев Арнольдovich побросал недавно расставленные по местам книги со стеллажей и полки и потоптал их ногами. Затем он решил, что дверь на кухню всегда должна быть на замке: дескать, Акси́нья потому и толстеет, что пробирается к холодильнику.

– Жирная корова! – кричал он на больную дочь.

Акси́нья действительно толстела день ото дня, но вовсе не потому, что ей удавалось стащить что-то из холодильника. Холодильник, как правило, стоял пустой. Не поев два-три дня, она мастерски вытаскивала пачку сливочного масла из сумок гостей или соседей, моментально ее заглатывала, старательно запивала шампунем, заедала батоном, который также находила в сумках тех, кто забрел в дом правозащитников посудачить о правах человека. Сильно проголодавшись, Акси́нья в лесопарке кидалась к случайным прохожим и вырывала у них из рук кока-колу и гамбургеры. В этом случае ни я, ни ее отец, ни Глафира не могли удержать больную: она расшвыривала всех.

Прохожие видели, что перед ними психически больной человек, и дело чаще всего кончалось извинениями, которые мы приносили, или небольшой денежной суммой.

Лев Арнольдovich, отпихнув ошалевшего Мяо Цзэдуна, бегал из комнаты в комнату, открывал и закрывал в кухне замок. Из кабинета на шум вылетела Марфа Кондратьевна. Дети удивились:

– Мама, ты дома?!

Пока я прибиралась, они проникли в кухню и принялись к пакету с бубликами. Пакет из моей сумки ловко вытащил Христофор.

- Ох, поедим! – потирала руки Марфа Кондратьевна.
- Ключ от кухонной двери, Тюка! Живо! – неожиданно потребовал Лев Арнольдович, в суматохе обронив свой.
- Что? – не поняла Марфа Кондратьевна.
- Ключ! А то сейчас по морде дам! – пообещал супруг. Любомир с бубликом спрятался за стиральную машину, Ульяна укрылась за кадкой с сухой корягой, Глафира и Христофор на всякий случай встали за матерью.
- Нет у меня ключа, старый идиот! – ответила Марфа Кондратьевна.

Лев Арнольдович попытался открыть дверь в кухню. Дверь не открывалась.

- Что это такое?! – заорал он.
- Кто ее запер? – кричала Тюка, стоя по другую сторону двери.
- Сейчас ногами ее выбью! – грозился Лев Арнольдович.
- Выпустите меня! – надрывалась Марфа Кондратьевна. – Мне нужно написать пост!

Она догадалась открыть на кухне окно и через лоджию попала в гостиную. Дело это было непростое, так как лоджия по-прежнему была завалена, заставлена, загорожена. Тюка пару раз навернулась, громко проклиная «проклятый балкон», и наступила в горшок с медом, припрятанный ею же. Меду в семье искренне обрадовались: дети сразу стали мазать его на бублики.

Тюка закрылась в кабинете – писать политические воззвания. Лев Арнольдович кипятился до трех часов ночи. Я не хотела попасть под горячую руку, поэтому увела детей спать, как только они поели.

Перед сном мы сочинили песенку:

Папе мешает шуршащий пакет,
Папе мешает кошачий туалет,
Папа по дому кружится всю ночь,

Матом кричит на сынишку и дочь.
Тапочкой лупит кота и жену,
Утром спокойно отходит ко сну...

- Спокойной ночи! – пожелала я детям.
- Если она будет спокойной, – ответил мне Христофор.

Рано утром я повезла Христофора в школу. Было около семи утра, в автобусе битком народу: все спешили на работу.

Христофор прокашлялся и заорал:

- Идемте с нами!

Пассажиры вздрогнули.

- Идемте с нами! – продолжал кричать мальчишка.

Когда десяток голов повернулись в нашу сторону, Христофор, опьяненный вниманием, предложил:

– Пойдемте искать сокровища Чингисхана! У нас дома жрать особо нечего. Мы возьмем с собой всех желающих! И поделимся добычей!

За этим последовал оглушительный хохот даже тех, кто поначалу разозлился.

У школьных ворот Завоеватель обернулся, поправил шапку и сказал:

- Папа когда-нибудь умрет.

– Умрет, – эхом отозвалась я. – И ты будешь плакать. И я, наверное, буду. Всем станет его жалко.

– Да ну? – усомнился Христофор. – Папа же дурной... Старый мерин! Конечно, он помрет. Старые мерины всегда помирают.

– Всем будет грустно. И мне, и тебе. Ведь будет грустно?

– Мне-то? – Христофор вытаращил глаза. – Ты, Полина, наверняка слышала, что старых мерингов убивают из жалости. Пиф-паф – и нет старого мерина!

Он вприпрыжку убежал, а я стояла и смотрела ему вслед. «Наверное, он еще не понимает, что такое смерть, – решила я, – а на самом деле очень любит отца...»

Торопясь к Антилопе, я думала над тем, что мое присутствие в доме Тюки оказалось очень полезным для ее семьи. Например, я рассказала им о зубной щетке и испытывала из-за этого особую гордость. Наверняка нечто подобное чувствовали все первооткрыватели. Вначале я показывала детям зубную щетку на картинках, затем купила несколько штук и раздала. Дети чего только ими не делали! Чесали котов, играли, якобы щетки – это солдатики, делали из них катапульты. Наслушавшись рассказов о том, что малыш Никита умеет чистить зубы, Христофор изрек:

– Как же так?! Я ведь большой! – и полез под диван, там валялась его зубная щетка-катапульта.

Встав перед зеркалом и перекрестившись, он сунул щетку в рот и начал чистить зубы. Примеру старшего брата последовали Ульяна и Любомир, которых я отучила от памперсов. Глафира знала, что нужно чистить зубы, но не делала этого принципиально, поэтому ее приходилось уговаривать.

Когда дети впервые чистили зубы, я им аплодировала:
– Свершилось! Свершилось!

Лев Арнольдович, заметив мой восторг, скептически заметил, что чистить зубы нужно вампирам, а зачем это придумали люди – непонятно.

Каждый, зная, что в доме все кувырком, спрятал свою зубную щетку в укромное место. Христофор – в сапог, Глафира – в коробочку из-под мармелада, Лев Арнольдович – в ящик с бельем. Ульяна спрятала щетку в рукав курточки, а я свою положила за шкаф у стены.

Уже в дверях Антилопа предупредила, что у них с мужем на вечер назначена встреча с инвестором, и попро-

сила работать сутки подряд. Я согласилась. В их доме было куда спокойней, чем у правозащитников. Пока Никита спал, я читала книгу Роулинг о Гарри Поттере.

Позвонила мама и попросила денег.

– Приезжай в Москву. Ты сможешь работать сиделкой, – предложила я ей.

– Мне самой нужна сиделка! Денег давай! Что, забыла традиции Кавказа?! – кричала мама в трубку. – Дело детей – содержать родителей!

– Да, я помню. Я начала рано, с шести лет.

К Тюке я вернулась через сутки. Накормила всех принесенными из дома Антилопы сосисками и купленным по дороге хлебом, а затем начала пересказывать детям «Кентервильское привидение» Оскара Уайльда. Что тут началось! Лев Арнольдович ворвался в гостиную с криком:

– Прекратить разговоры! По шее дам! Что за хрень вы молотите?!

Как только он вышел, я сказала:

– Люди муку молотят, а мы – хрень!

Дети засмеялись. А Глафира сказала:

– Я стих придумала про дядю Сашу Мошкина!

Дядя Саша выпил водки

И уселся на селедку.

Он поехал в океан,

Потому что был он пьян!

Христофор затянул песню:

– Старый мерин, и-го-го,

Рысью, рысью поскочи!

Лев Арнольдович снова вбежал к нам в комнату с тапочкой в руке, оглядел всех, а мы притворились спящими и беззвучно смеялись. Он ушел.

Затем мы обсуждали придуманную мной сказку о добрых вампирах, которым жалко людей. Конечно, я сочинила сказку по своему сну.

– Им нас жаль, как нам – к примеру, телят... – сказала Глафира.

– Ага! – К нам заглянул Лев Арнольдович. – Попались! Опять мистическую хрень молотите?!

Зазвонил телефон, и он убежал в коридор.

Глафира спросила:

– Полина, а ты знаешь историю о папе и цыганке?

– Нет! – ответила я.

– А я знаю! Знаю! – обрадовался Христофор.

– А мы не помним, – сказали Любомир и Ульяна.

– Дело было так, – начала Глафира. – Папа как-то шел по центру Москвы, а навстречу ему – цыганка. Давай, говорит, погадаю. Папа отказался. Цыганка начала его за руки хватать, а он не дается. Тогда цыганка вцепилась папе в бороду, а он носил длинную, и вырвала клоч!

Мы засмеялись, а потом я сказала:

– С тех пор цыганка продает по три седых волоска за одну золотую монету и уверяет, что это волоски из хвоста Сивки-Бурки.

Дети задорно захохотали.

– После того случая папа бороду бреет, – отсмеявшись, закончила Глафира. – Или носит короткую, чтобы больше никто на нее не позарился...

В комнату опять прибежал Лев Арнольдович:

– Не слушаетесь?! Болтаете? Я вас сейчас воспитывать буду!

Он бросился к креслу, на которое сначала улегся Христофор, но с лоджии дуло, и Христофор ушел к брату и сестрам на диван.

Лев Арнольдович подбежал к креслу, прислушался, а потом заорал:

– Христофорушка спит! Почему вы ему мешаете?!

В ответ раздался оглушительный смех: Христофор с Глафирой не выдержали.

– Папа, ты такой смешной! – сказал Любомир. – Ты сегодня взял лупу, посмотрел в нее и сказал: «Совсем увеличивать перестала!» – хотя в ней и стекла-то нет! Оправа одна!

Лев Арнольдович от таких слов рассвирепел и, схватив за шиворот Христофора и Любомира и подгоняя их увесистыми пинками, потащил на раскладушку в другую комнату, а нам велел заткнуться, а не то мы отведаем бамбуковой палки.

Как только наступила тишина, снова зазвонил телефон.

Телефон в квартире Марфы Кондратьевны звонил по ночам регулярно, потому что активисты со всего света хотели поговорить о политике. Тюка с удовольствием брала трубку и зависала на несколько часов с каждым равнодушным правозащитником.

Лев Арнольдович решил ночные разговоры пресекать. Если он успевал подбежать к телефону раньше супруги, человека на другом конце провода накрывала волна отборного мата, будь он хоть иностранным послом, хоть международным журналистом.

– Не смейте сюда звонить со своей гребаной политикой! Идите на... – кричал Лев Арнольдович.

Если первой у телефона оказывалась Тюка, она хватала трубку, отбивалась от мужа ногой и убегала в кабинет, так как трубка была переносная.

Итак, зазвонил телефон, и супруги бросились к телефону из разных комнат в абсолютной темноте. Свет в квартире в целях экономии Лев Арнольдович выключил. Натыкаясь на предметы мебели, кошачьи «презенты», игрушки, обувь и одежду, правозащитники то и дело чертыхались.

Лев Арнольдович упал, наступив на кошку, а Тюка, выбегая из кабинета, наскочила на табуретку, свалилась, вскочила и опять грохнулась, судя по жалобным стонам, на детали конструктора Lego. В ночном забеге выиграл Лев Арнольдович. Не давая Марфе Кондратьевне подойти, он отмахивался от нее рукой и орал в трубку:

– Алло, алло, говорите!

Перед тем как обрушить на нарушителя спокойствия волну ругательств, Лев Арнольдович непременно хотел, чтобы человек, позвонивший среди ночи, назвал себя.

Первую пару минут мы с детьми ничего не могли понять. Лев Арнольдович стоял в коридоре в одних трусах и кричал:

– Алло, алло, говорите!

Глафира на цыпочках прокралась в прихожую, а через мгновение вернулась, согнувшись от смеха:

– Папа не той стороной приложил трубку к уху!

– Кому-то повезло, – отозвалась я.

А из коридора доносилось:

– Алло, алло, говорите...

Когда Антилопа и Бизон уезжали в командировку, мне приходилось оставаться с Никитой. Я понимала, как тоскуют дети Тюки. Они плакали в трубку, что хотят есть, а где папа и мама – не знают.

– Глафира, возьми сто рублей, которые я спрятала в варешку. Варешка лежит на полке с елочными игрушками, – диктовала я, укачивая малыша.

– А еда как появится? – тупила Глафира.

– купишь гречку и сосиски. Сваришь. Я тебя учила.

Перезвонив через час, я узнала, что сосиски отобрала Аксинья, избив младших, а гречка рассыпалась в драке. Сварить удалось совсем немного.

– Поели без масла, – жаловалась мне Глафира. – Ты когда придешь?!

Я понимала, как им плохо, но была связана работой.

Мне позвонила Рита и посетовала, что любовь к семейству Тюки – это мазохизм, потому что любить подобных людей невозможно. Но я в самом деле их любила. Беспутных. Станных. Юродивых. Непонятых. С отнимающимися от усталости ногами, рвотой от головокружения, я намывала и чистила их запущенный дом, который они за день ухитрились превратить в помойку.

На день рождения Аксиньи я принесла пакет сладких сухарей и шоколад, еще купила имениннице и детям новые футболки, чтобы не ходили в обносках.

Ульяна, Любомир и Глафира под моим руководством нарисовали открытки для именинницы. Глафира изобразила реку Иордан: ей приснился сон, будто Аксинья выпила речной воды и выздоровела; а младшие нарисовали зайчат в лесу. Поздравляя Аксинью молитвой, Марфа Кондратьевна, Глафира и Христофор на разные голоса пели «Отче наш», косясь на иконы. Под пение Христофор ухитрился руками таскать салат из общей миски и запихивать в рот. Тюка отвешивала ему подзатыльники, но пения при этом никто не прекращал. Это было уморительно.

Ужин обещал быть веселым. Я решила приготовить котлеты, а поскольку дети никогда не видели, как делаются настоящие домашние котлеты, они выстроились на кухне. Лев Арнольдович тоже прибежал и начал вспо-

минать, что ел домашние котлеты последний раз четверть века тому назад, у другой жены.

– Здесь всегда была сухомятка, – твердил он. – Только с приездом Полины появились борщи, супы и гречка с грибами!

Я купила белый хлеб, картошку, репчатый лук, говядину и зелень. Все это требовалось перемолоть. Но у Тюки не оказалось мясорубки, и мы с детьми поднялись к Ларисе, которая нам ее одолжила.

Любопытные дети тарасили глаза, рассматривая невиданную доселе машину.

– Что это? – несколько раз переспросила Глафира.

– Знакомьтесь, – сказала я. – Мясорубка! А это дочь Марфы Кондратьевны Тюкиной – пятнадцатилетняя Глафира!

Все засмеялись.

– Ах, какой у нее носик! – восхищенно кричали дети.

– Скорее, хвостик. За него нужно крутить, – пояснила я. И принялась за дело.

Конечно, дети помогали мне крутить ручку, и я несколько раз предупредила их, чтобы не совали в мясорубку пальцы.

Марфа Кондратьевна с недовольной миной выглядывала из кабинета, но в кухню не заходила. Лев Арнольдович занял почетное место у стола. Поскольку лавки быстро заполнились, а табуреток было всего две, я решила принести из зала столик, который вполне мог сойти за стул.

Взяв изрисованный чернилами и карандашами столик, я понесла его вверх тормашками. Надо заметить, что под потолком в кухне висело нечто похожее на тарелку: это был светильник, доставшийся Тюке от прошлых хозяев. В нем было три лампочки, но горела только одна. И тут бах-бах! Одной из ножек я случайно задела светильник,

и в нем что-то щелкнуло. Все три лампочки загорелись и осветили кухню.

– Чудо! – с полным ртом завопил Христофор. Под шумок он, как всегда, запихивал в рот салат.

Грянуло громовое:

– Ура! Полина починила проводку!

Котлеты получились на редкость сочными и вкусными. Дети от радости водили хоровод и пели «Аллилуйя!». Когда я поставила на стол кастрюлю с пышным взбитым пюре, миску овощного салата и поднос с котлетами, все набросились так, что за ушами трещало. Марфа Кондратьевна проворно вбежала в кухню и, положив еды сразу на две тарелки, неожиданно поклонилась мне в пояс.

– Спасибо, Полина! – сказала она, схватила тарелки и умчалась в кабинет.

Лев Арнольдович от еды размяк и повеселел.

– У меня есть суперидея, Поля, – сказал он. – За сорок лет я так и не нашел, кому бы ее продать. Запоминай, записывай в дневник! На Северном полюсе есть ледники. Это знают все. Там ведут буровые работы. На разной глубине разные слои льда. Потому что они образовались в разные периоды. Соответственно, имеют разный возраст. Значит, можно брать воду, скажем, которой тысяча лет или даже десять тысяч лет. Производить вино и виски на этой воде. Продавать с датой – например, 1300 год от Рождества Христова. Эту идею можно предложить известным брендам, чтобы избежать подделок.

В два часа ночи я уложила детей. Едва мы задремали, к нам прибежал Лев Арнольдович.

– Голоса! Я слышу голоса! – шептал он. И убежал обратно на раскладушку.

Прошло десять минут. Опять раздались шаги.

– Голоса! Голоса! Я слышу голоса! – настойчиво повторял он.

Лев Арнольдovich всех перебудил.

– Он совсем сбрендил, маразматик! – сказала Глафира. Только мы попытались задремать, как вдруг опять забежал Лев Арнольдovich.

– Голоса! Голоса! Я все-таки их слышу! Здесь голоса!

– Хватит! – строго сказала я. – Идите спать. Вам мерещится. Вы мешаете мне и детям.

– Я все слышу! – с надрывом выдал хозяин дома, но ушел.

Я заснуть не могла и, когда дети уснули, слезла со шкафа и вышла в прихожую. У соседей орало радио. Вот что он принимал за голоса. «Слава богу, – подумалось мне, – значит, не сошел с ума».

Лев Арнольдovich лежал на раскладушке и что-то бормотал. Я прислушалась.

– Тюка, дети спят? Полина уложила детей? – спрашивал он сам себя и через пару секунд отвечал: – Да, да, все уже спят! Спят! И мне пора спать!

Лев Арнольдovich разговаривал во сне.

В магазине я купила куриное филе и зелень, чтобы сварить детям суп. Лев Арнольдovich крутился на кухне.

– Знаешь, я все думаю и думаю, – неожиданно сказал он.

– Про что, Лев Арнольдovich?

– Да про твой дневник!

– Про тот, что я вела на войне, или который сейчас пишу? – уточнила я.

– Тот, что сейчас пишешь, точно в помойку выбросить... Кому это надо?! А вот про войну можно отдать в «Мемориал».

– Вы сколько бутылок выпили?

– Ты, Поля, тему не переводи. – Лев Арнольдович на-
супился. – Взяла манеру – меня учить. Я с юности пил, пью
и буду пить. Русский я человек.

– Вы еврей, – напомнила я, разбирая покупки.

– Это на Земле обетованной я сын Израиля, а в России
мы все – русские.

– Как знаете.

Лев Арнольдович задумался и присел на лавку. Из на-
грудного кармана рубашки он вынул пачку рецептов и пер-
решчитал их. Рецепты выписывала знакомая – психиатр Зи-
наида. Рецепты были без имени, но с печатью и подписью
врача. Чтобы не привлекать внимания, Марфа Кондрать-
евна и Лев Арнольдович нередко просили знакомых, что-
бы купили психотропные препараты в аптеке якобы для
себя, поэтому вписывали имена от руки. Официально ста-
вить детей на учет, кроме Аксиньи, они не хотели.

– Я вот что скажу. – Лев Арнольдович отложил часть
рецептов в сторону. – Если бы я захотел тебя уничтожить,
на месте русских спецслужб я бы такое сделал! Не идея,
а конфетка!

– Как вам такое в голову приходит?! – Я открыла
створки под раковиной и увидела в помойном ведре две
пустые бутылки из-под армянского коньяка и одну из-под
французского вина.

– Приходят идейки, да. – Лев Арнольдович икнул. – Надо
сказать, что военные дневники действительно существу-
ют. Что ты их не писала, нельзя сказать. Реальные, доку-
ментальные тетрадки... Сам видел и читал. Когда-нибудь
их издадут. Ты очень упрямая, Поля. Но кому выгодна
истина? Ни-ко-му! Понимаешь?! Зная, что есть оригина-
лы дневников и экспертиза докажет их подлинность,
я бы... – Лев Арнольдович дурашливо захихикал: – Я бы
сказал, что это правда. Истина! Но это реальность боль-
ной на голову девочки. Ха-ха-ха! Действительно, она пи-

сала дневники под бомбами. Но она же сумасшедшая. Ей все показалось. Например, ракета, которая прилетела на мирный рынок в Грозном, смерть стариков и детей, то, что ее вели в четырнадцать лет на расстрел. Ха-ха-ха!

– Вам нужен крепкий чай.

– Не откажусь, – согласился Лев Арнольдovich. – Потом Ларису запишу в рецепт, и пусть сходит в аптеку за транквилизаторами...

– Ночь на улице!

– Есть круглосуточная аптека, – отмахнулся он.

Я налила ему черный сладкий чай, надеясь, что это поможет.

Дети пришли на запах куриного бульона с твердым намерением поесть перед сном.

– А куда подевались активистки из краснодарской деревни? – спросила я домочадцев.

– Партизанку и Революционерку посадили в тюрьму. Они строчат оттуда письма на оппозиционный портал под заголовком «Мы не фуфло, мы – потомки Ленина», – восторженно сообщила Глафира.

Уложив всех спать, я обнаружила, что кабинет Тюки не заперт, и решила проверить почту. По жалобному писку, доносившемуся из вороха бумаг, я догадалась, что звонит телефон. У Марфы Кондратьевны было около десяти мобильных телефонов для деловых переговоров. С разными сим-картами. Когда телефон зазвонил во второй раз, я подошла и выключила его.

– Кого же черти в ночное время несут?! – шепотом возмутилась я.

Дети и Лев Арнольдovich давно видели сны.

На всякий случай я сняла трубку стационарного телефона и положила около себя: вдруг тот, кто названивает, решит окончательно перебудить всех. И я не ошиблась: через пару минут экран телефона загорелся светом,

и еще до того, как раздался звонок, я успела поднести трубку к уху.

– Марфа на хате? – спросил грубый мужской голос.

– Что?!

– Передай, канители не будет.

– Вы кто?

– Марфа смекнет, когда конь передаст. В общак ее грев пошел, ничего нельзя теперь менять. Если не хочет фаршмануться, пусть сидит тихо.

– Вы по-русски говорить умеете? – спросила я.

– Передашь, что сказал. Ясно?! – В трубке раздались гудки.

«Вот наглые люди, – подумалось мне. – Какой “конь” должен что-то передать? Этак в сочетании с моей фамилией забавно звучит».

Следующие полчаса я провела на сайте, расшифровывая уголовный сленг: «общак» – воровская касса, «грев» – наличные, «фаршмануться» – оказаться в смешном положении. Мне удалось понять следующее: Марфа Кондратьевна опростоволосилась, и по тюремному каналу – «коню» – об этом стало известно зэкам. Чтобы ничего не забыть, я записала все дословно в блокнот и решила поговорить с Тюкой, как только она объявится.

Пришли новости из Бутылина.

– Незнакомому парню стало плохо, он упал посреди трассы в нашем селе, – рассказывала мама по телефону, пока я собирала на прогулку Никиту. – Все машины парня объезжали, а прохожие шли мимо. Остановилась только я. Соседка возвращалась с рынка, сказала, что он лежит уже два часа, помер, наверное. И пошла дальше. Я попыталась остановить машину, но шоферá, матерясь, гнали дальше. Тогда я побежала на рынок, который у нас раз в неделю. Один из торговцев, азербайджанец, согласил-

ся помочь. Единственный. Он оставил товар на жену и повез парня в больницу. Оказалось, острый аппендицит. Если бы мы опоздали на полчаса, парень бы умер! Вначале мы пытались дозвониться в «Скорую помощь», но нам ответили, что скорая днем в село не поедет, только ночью и чтобы гражданин сам оплатил бензин! Парень был неместный, приехал погостить к знакомым, а ему резко стало плохо.

– Молодцы! – похвалила я маму и незнакомого торговца.

В выходной день, взяв Глафиру и Ульяну, я поехала к Рите. Ее сын показывал нам картины. Он, как и мать, рисовал красками и углем.

– Где же рай? – удивилась я, увидав только чертей с вилами.

– Рая нет, есть только ад, – задумчиво ответил Мирослав.

Рита угощала нас домашним рулетом, политым шоколадом, и я, конечно, не устояла и бросила целебное голодание.

По их тесной однокомнатной квартире ходил подслеповатый кот. Он то собирался помирать, то, наоборот, пушился.

Непоседа Ульяна после трапезы попросилась рисовать, и Мирослав отвел ее в комнатку, заваленную книгами, и дал карандаши.

Я рассказала Рите, что Тюка хочет выкинуть меня на улицу, зная, что у меня нет никаких сбережений.

– Лев Арнольдovich сказал, чтобы она помогла мне эмигрировать, но Марфа Кондратьевна заявила, что не поможет и другим скажет, чтобы не помогали. Так что я совершенно одна.

– Клиника у них, – подвела черту Рита. – Это надо же, так завидовать, так ненавидеть, чтобы вытворять подобное.

– Марфа Кондратьевна говорит, что любит Русь-матушку и эмигрировать помогает только представителям малых народов, – сказала я.

– Точно клиника.

Назад мы добирались на автобусе. С нами ехал мужчина азиатской внешности. У него не было билета. Пассажиры на него накинулись:

– Совсем обнаглел, сволочь приезжая! Москвичи, что ли, должны за тебя платить?!

Женщина преклонных лет это пресекла.

– Хватит! – сказала она. – Да, он вошел без билета. Ну и что? Может, обстоятельства такие. Что мы, не люди? И все замолчали.

Марфа Кондратьевна прилетела из Копенгагена. У нее в сумке всегда лежали два паспорта: российский и заграничный. Случись что в стране, она с детьми через полчаса смогла бы покинуть опасную территорию. Людям из регионов получить шенгенскую визу на несколько лет было невозможно, но для тех, кто был прописан в Москве и Санкт-Петербурге, это не составляло труда. Тем же, кто родился на Кавказе, ставились немыслимые препоны, чтобы за границу они не выезжали.

Марфа Кондратьевна привезла с собой пакет с сыром и сдобой, которые прихватила с фуршета, организованного по завершении правозащитного собрания.

– Вкусно! Вкусно! – повторяли Любомир и Христофор.

Лев Арнольдович начал ругать Марфу Кондратьевну, что она прожигает наследство, поучал, что лучше хранить сбережения в долларах.

– Ты на изменении курса уже несколько тысяч потеряла! А у меня три зуба во рту! И я экономлю на покупке картошки!

– Все мое! Что хочу, то и делаю, – огрызалась Тюка.

– У нас в доме вещи летают, их бросают то на шкаф, то со шкафа, – пожаловался Лев Арнольдович.

– Именно таким образом с папы исчезли штаны и нашлись на люстре, – подсказала Глафира.

После этого заявления Льву Арнольдовичу показалось, что мы смеемся.

– Ты! Ты! И ты! – закричал он. – Молчите! Я приказываю!

– Плохо дело, – сказала Тюка. – Пора давать ему таблетки.

Глафира достала из холодильника засохшую петрушку и показала матери.

– Воронье гнездо, – сказала я. – Брось в мусорное ведро!

Тюка отобрала у дочери пучок и положила обратно в пустой холодильник со словами:

– Пригодится на новогодний салатик!

– Нам поговорить нужно, – сказала я.

– О чем это? – Марфа Кондратьевна нахмурилась.

– Дела важные, тюремные, – сказала я, делая выразительные глаза.

Тюка побледнела, а потом и вовсе ринулась как подстреленный кролик в кабинет. Пока она открывала своими ключами дверь, связка два раза грохнулась на пол.

Вбежав в кабинет, Марфа Кондратьевна стремительно захлопнула за собой дверь и спросила:

– Ты знаешь, да?

– Да, знаю, – быстро ответила я и, вытащив из кармана блокнот, прочитала: – «В общак сгрев пошел. Если не хочет фаршмануться, пусть сидит тихо».

– Дура! – Марфа Кондратьевна начала бить себя по голове. – Дура!

– Прекратите истерику! – сказала я.

– Дура! – скорбно выкрикнула Марфа Кондратьевна, а потом зажала себе рот руками и залилась горячими слезами.

Что бы в тюрьме ни произошло, такое поведение выглядело на редкость подозрительным.

– Поклянись молчать, Полина, – неожиданно потребовала она.

– Что?!

– Молчать будешь. Ясно?! Никто не должен знать! – Тюка сверкнула глазами.

– Еще чего... – ответила я, а сама подумала, что хорошо бы еще узнать, о чем надо молчать.

– Не по своей воле сотворила, нечистый попутал...

– С нечистым водитесь? – Меня разобрал смех.

– Тьфу на тебя! – начала было Марфа Кондратьевна, а потом затарахтела: – Давай так: я тебе дам, например, выходной, а ты будешь молчать.

– Что за чушь вы несете? Я работаю в другом месте, а здесь нянчусь с вашими детьми, как с братьями и сестрами. Причем бесплатно! – напомнила я.

– Да, точно, – опомнилась она. – Но ты должна поклясться молчать.

– Ничего я вам не должна.

– Я его спасти хотела... – Марфа Кондратьевна внимательно взглянула на меня.

– Спасли?

– Главный вор тюрьмы обещал мне: дашь семь тысяч долларов – устроим ему побег!

– Устроили?

– Нет! Все деньги ушли на водку и проституток. Хозяин тюрьмы авторитетам баб привез и выпивку. На мои деньги! Мне об этом уже другие заключенные доложили!

Нельзя, чтобы кто-то узнал: я – правозащитник, а сама уголовникам деньги ношу. Никто не должен знать.

– Так вот чем вы занимаетесь, бессовестная женщина! Лицемерка! – позабыв о приличиях, воскликнула я. – Пока я без всякой помощи, вы уголовникам угождаете?! Доллары им носите! Проституток спонсируете! Вы знаете, что на эти деньги в любом селе можно купить пару домов для беженцев?! Сколько в стране людей без крыши над головой? Миллионы!

Бледность на щеках Марфы Кондратьевны сменилась бордовыми пятнами.

– Я помочь хотела, они мне сказали: дашь семь тысяч долларов – мы поможем Тосмахину бежать...

– И вы поверили?! Вам пятьдесят лет! Несчастные нуждаются в еде и лекарствах! Нет вам прощения! Я немедленно расскажу эту историю Льву Арнольдовичу, соседям и всем общим знакомым.

– Стоять! – Марфа Кондратьевна вцепилась мне в локоть. – Уйдет Лев от меня! Уйдет! Бросит на старости лет! Сопьется в канаве. Скажет: совсем из ума выжила. Ведь я ему денег не давала ни на зубы, ни на вещи, а уголовникам сняла с банковской карты и отнесла. Пожалей меня, Полина.

– Давайте договоримся, Марфа Кондратьевна... – У меня мгновенно возник план.

– Давай, – закивала головой Тюка, не выпуская мой локоть.

По ее расплывчатой улыбке я поняла, что она решила откупиться небольшими деньгами или еще какой-то ерундой.

– Слушайте меня внимательно, – сказала я. – Ближайшие десять лет никто ничего не узнает.

– Чего это десять? – забеспокоилась Тюка.

– Буду дневники публиковать. Придумаю вам псевдоним. Сами себя не выдадите – никто не узнает.

– Кому ты нужна?! Писатель! Ха-ха!

– Итак. Я буду молчать...
– Договорились!
– Э, нет. Не так быстро. Есть условие.
– Условие?! Ты у меня на шкафу спишь...
– Условие, – строго повторила я.
– Говори свое условие.
– Завтра утром будто бы случайно вы вдруг вспомните, что у вашего мужа нет московской прописки. По этой причине он не может оформить себе пенсию, которая ему полагается по возрасту. Вы оформите ему постоянную регистрацию.

– Я?! – Марфа Кондратьевна нахмурилась.

– Именно.

– Но ты же могла потребовать, чтобы я прописала тебя... – Марфа Кондратьевна растерялась. – Московская прописка – великие горизонты! Люди мечтают о ней! Это как другой мир! Почему ты просишь за Льва? Разве он тебе брат? Разве он твой отец?

– Вы пропишете человека, который рядом с вами четверть века, и, как бы там ни было, у вас с ним пятеро детей. Да, он мне как отец. Он не должен на старости лет унижаться, выпрашивать у вас деньги на хлеб. Вы дадите ему прописку, он оформит пенсию и будет на нее кормить ваших детей!

– Мы с ним официально в разводе.

– Завтра утром. Вы сами скажете ему об этом. И это не обсуждается.

Я открыла дверь и вышла в коридор, а Тюка осталась стоять столбом.

Придя на следующий день от Бизона и Антилопы, я обнаружила, что лестница, ведущая на шкаф, сломана. Я сказала об этом Тюке и Льву Арнольдовичу. Но им было не до меня. До моего прихода правозащитники опять по-

ругались, а увидев ступеньки от лестницы, похватали их и начали ими драться.

– Я тебе по-хорошему говорю. – Лев Арнольдович наступал на Марфу Кондратьевну. – Научись укладывать детей в одиннадцать вечера, а не в три часа ночи! Сви-нья! Научись их кормить и купать! Гадина! Прописать она меня решила, а до этого гнала на теплотрассу... Подли-зываешься, Тюка? Что-то тут не так! Меня не обманешь. Признавайся, что натворила?!

– Я тебе по-хорошему сейчас дам по хребту! – Марфа Кондратьевна размахивала ножкой от лестницы, как са-мурай мечом.

Схватка была короткой. Тюка дважды заехала Льву Ар-нольдовичу по почкам, и он, согнувшись от боли, ретиро-вался на раскладушку. Провожая его взглядом, я скорб-но вздыхала. А ведь было время, когда я наивно верила, что правозащитники спасут мир!

– Все, Полина, теперь ступенек у лестницы нет и надо на шкаф подтягиваться на руках, – вывел меня из задум-чивости Христофор.

– Буду тренироваться, в жизни пригодится, – отве-тила я.

– Ты во всем находишь позитив! – восхищенно сказа-ла Глафира.

– Уговаривайте папу прописаться. Будет пенсия – бу-дет и еда.

– Хорошо! – пообещали они, не вдаваясь в подробности. Дети подсадили меня, и я вскарабкалась на шкаф.

– Давайте играть, – предложил Любомир. – Солнце вы-шло из-за тучки, все глисты собрались в кучки. Главный глист сказал...

В этой игре надо молчать и засыпать, чтобы не стать «главным глистом». Когда я уже задремала, к нам в ком-нату вошла Марфа Кондратьевна.

– Что, уже спите? – спросила она.

Дети обрадованно завизжали, начали рассказывать ей про свою игру, но она устало махнула рукой.

Мне навстречу из сновидения, улыбаясь словно давней знакомой, шел режиссер Андрей Тарковский. Он был во фраке, подтянут, красив. На мне было восхитительное черное платье, о котором я не могла и помыслить в той реальности, где жила. Андрей Тарковский учтиво пригласил меня в уютный кинотеатр. Все кресла там были обтянуты красным бархатом. Здание кинотеатра и дом, в котором жил и работал мастер, находились высоко в заснеженных горах, озаряемых пронзительным солнечным светом.

– Полина Викторовна, хочу рассказать вам одну историю, которая меня сильно тревожит. Это история будущего человечества, – сказал Андрей Тарковский. – Я здесь снял новый фильм и пригласил души из разных миров его посмотреть...

Картина приковала мое внимание с первых секунд. Она оказалась настолько интересной и необычной, что, проснувшись утром, я записала все в мельчайших подробностях, искренне надеясь, что однажды смогу изложить эту историю в виде романа.

Лев Арнольдович довольно редко бывал в конторе, где изготавливали пиратские диски: там требовались молодые и шустрые, а его приглашали только в том случае, если Андрей Иванович не справлялся с потоком. В месяц, если повезет, было две-три ночные смены. Платили по-черному – две тысячи рублей за смену.

Подработав, Лев Арнольдович купил два билета на концерт барда Городницкого. Концерт начинался в семь вечера. Билеты отдали Глафире, потому что накануне Лев Арнольдович разругался с Марфой Кондратьевной.

В выходной день я отправила одну посылку с продуктами и лекарствами матери, другую – детям, которые жили в селе Бутылине. Вернувшись, я убрала дом Тюки, накормила всех обедом, и мы с Глафирой начали собираться на концерт.

Хозяин с хозяйкой снова ругались.

Лев Арнольдovich кричал:

– Я психически болен! Мне нужно лечь в клинику! – Ударил подвернувшуюся под руку Аксинью, наорал на меня и на Глафиру, обругал младших. – Скотина! Свинья! – кричал он супруге.

Тюка спряталась в кабинете и не показывалась.

У меня разболелась голова, а Глафира заплакала.

– Мне так грустно, что я не сбежала в Иерусалим, – сказала она. – Христофор и Ульяна задумывают побег в Америку, через пролив на Аляске. Там недалеко плыть, но очень опасно, бурные воды...

– Неплохая задумка, – одобрила я. – Нужно тщательно изучить план местности.

– Полина, еще хочу спросить, что же мне делать? – продолжила Глафира. – У меня ни разу в жизни не было бюстгальтера. Грудь болит. Я сказала маме, а она отмахнулась.

Пришлось подарить Глафире свой бюстгальтер и пообещать купить еще парочку. Глафира просияла:

– Мама говорит, чтобы я брала пример с Аксиньи. Но она же бегают голая, мычит и не носит бюстгальтеры!

Конечно, я не одобряла того, что Аксинья бегают по дому нагишом, а мальчики с интересом ее разглядывают. Но одевать Аксинью, я знала по собственному опыту, бесполезно: через несколько минут она рвала на себе ночные рубашки и дралась, чтобы больше ее не одевали.

Глафира, пританцовывая, крутилась в моем бюстгальтере перед разбитым зеркалом:

– Ах, как красиво!

В это время Лев Арнольдovich в двух метрах от нас бил ногами в дверь кабинета и орал:

– Тюка! Почему дети ходят в нестиранных вещах?! Почему другие люди им стирают по ночам?! А когда не успевают, в доме воняет. Я тебя спрашиваю! Посмотри, у Глафиры из порванных колготок торчат пальцы и пятка. Мальчишки все ходят в рванине! Дай деньги, чтобы я купил им новые колготки!

Марфа Кондратьевна отмалчивалась.

Выйдя из дома, мы с Глафирой встретили Халила. Он с трудом передвигал газовую плиту к мусорному баку, пыхтел и постанывал. Нам стало его жалко, и мы взялись ему помочь.

– Спасибо! – поблагодарил Халил.

Вместе мы еле-еле дотащили эту тяжесть.

– Никто не поможет, – пожаловался сосед. – Все приходится делать самому, никакие службы не работают...

Добежав до метро, мы спустились на платформу.

– Смотри, Полина, – сказала Глафира, когда мы проехали несколько станций. – Вон тот парень с бородой... он одет в белую одежду... перебирает четки. Он молится!

– Да, – подтвердила я, окидывая взглядом незнакомца.

– Я думаю, он взорвет эту электричку, и мы умрем!

Электричка въехала в туннель.

Так уже бывало, что электрички в Москве взлетали на воздух, а потом террористы брали ответственность на себя.

– Вполне может быть, – согласилась я. – Он подождет, когда людей в вагонах будет больше, и бабахнет.

– Давай местами поменяемся? – попросила Глафира, которая сидела чуть ближе к парню с четками. Парень тем временем довольно громко начал выкрикивать: «Аллаху Акбар».

– Глафира, это не поможет, – сказала я. – Наоборот, кто будет ближе к эпицентру, умрет первым, остальным придется мучиться.

– Может, все-таки поменяемся?

– Давай. Но я тебя предупредила.

Глафира не спускала глаз с незнакомца, а тут еще электричка остановилась в туннеле.

– Мы умрем! – обреченно вскрикнула Глафира.

Пассажиры начали пересаживаться подальше от попутчика в белом, и в итоге рядом с ним остались только я и Глафира.

– Не волнуйся, сейчас время ужина. Успеем к Богу на чай! – пошутила я.

Парень засмеялся, а потом забормотал суру из Корана.

Запахло валерьянкой. Пожилые женщины в другом конце вагона мелко крестились.

– Полина, он достал телефон! Он сейчас кнопку нажмет, я видела такое в кино! – завопила Глафира.

Парень действительно достал телефон и глянул на экран.

– Что же делать, судьба такая у нас, – ответила я. – Вместе умирать весело, а по одному – страшно. Ты посмотри, какая у нас компания!

В вагоне часть пассажиров материлась, некоторые молились.

Глафира, осмотревшись, нервно хихикнула.

Электричка тронулась. Никто не взорвался. И мы спокойно добрались до станции «Лубянка».

– Папа – миротворец, мама – правозащитник, – выйдя на воздух, сказала Глафира. – Они говорят, что здесь, на Лубянке, в каждом фонаре установлен «жучок». Все прослушивается! Все разговоры!

– Они такое рассказывают?

– Да! Давай, Полина, их похвалим.

– Кого? – не поняла я.

– Работников ФСБ! – Глафира запрыгала на одной ножке.

– Зачем?

– Задобрим! На всякий случай, – прошептала она, а затем, не обращая внимания на прохожих, громко крикнула: – Хорошие дяденьки фээсбэшники! Мы вас уважаем! Почитаем! Любим!

Я не знала, плакать мне или смеяться.

Так, под иступленные крики Глафиры о добрых и полезных сотрудниках спецслужб, мы дошли до места, где нас поджидало объявление: «А. Городницкий заболел. Концерт переносится на 27 декабря 2007 года».

– Родители думают, что мы на концерте! – сообразила Глафира. – Пойдем погуляем по Москве? Мне это категорически запрещают!

– Могу показать тебе Патриаршие пруды. И покормить в кондитерской, – предложила я, зная, что коренная москвичка там никогда не бывала.

– Ура! Если папа спросит, где были, скажем, что опоздали, затем два часа ждали, бард не объявился, а потом мы заблудились, и автобус поехал не в ту сторону...

На Патриарших прудах мы увидели сатанистов. И Глафира, отыскав бутылку из-под пива, решила запустить ее в них.

– Иначе я перестану себя уважать. Я православная, мы должны их бить, – сказала Глафира.

Я бутылку отобрала.

– Не делай глупостей, Глафира. Если бы мы шли мимо и увидели, что кто-то убивает котенка или щенка, мы бы вступили в схватку. Ты хочешь напасть на людей потому, что они в черной одежде. Разве это правильно? Твоя мама тоже любит черный цвет!

Глафира подумала немного и согласилась, что неправильно.

На следующий день Антилопа и Бизон уехали в ночной клуб и прихватили с собой Гарри, а меня оставили с Никитой. Я его укачала в десятом часу вечера и заснула. Последнее время я много медитировала, и сны стали необычными.

Я стояла посреди комнаты и ощущала тело, чуть более плотное, чем воздух, полупрозрачное. Физическое тело спало на кровати. На него я поглядела и отвернулась. Я руководила собой, своими решениями и поступками. Я, которая не спала, отправилась на кухню. Там сидела моя мама и ела вареные яйца с помидорами, а рядом с ней лежала наша собака Джульетта, которая должна была находиться с мамой за полторы тысячи километров от Москвы.

– Как ты сюда попала? – удивилась я.

– Входная дверь была открыта, – невозмутимо ответила мать своим обычным голосом.

Наверное, я забыла ее закрыть.

Мы немного поговорили о повседневных делах, но мне не давала покоя мысль, что все происходящее – неправда.

– Как ты открыла дверь в общем коридоре, в подъезде? – настороженно спросила я. – Ее нельзя открыть без ключа, а у тебя его нет!

Она вздрогнула.

– Кто ты?! – строго спросила я. – Кто ты, прикидывающийся моей матерью?!

Изображение померкло, затем исчезло, будто некто сбросил с себя платье, и я увидела домового, росточком около полуметра. У него на спине росли иголки, как у ежа.

Домовой усмехнулся:

– Ты всегда была умной! Разгадала!

И я проснулась. Похлопала глазами и снова заснула.

Вышла из физического тела и отправилась гулять по квартире. Малыш захныкал. Я подошла к нему и поняла, что нужно поменять подгузник. Вышла на кухню, вернулась с новым памперсом, а в кроватке уже сидели два совершенно одинаковых малыша.

– Образы примеряешь?! Ну-ка прекращай! – прикрикнула я на домового.

В кроватке остался только один малыш, а домовой оказался на шкафу. Он ерзал и чихал. Я подошла к нему, стащила со шкафа и сказала:

– Я смогу!

Домовой испугался.

– Всевышний, помоги мне, – прошептала я, и мои руки прошли сквозь оконное стекло. Я выбросила домового на улицу. Взглянула на окно – стекло было целым.

Бизон, Антилопа и Гарри вернулись в пять утра и легли спать. Проснувшись, они рассказали, что несколько дней подряд их мучил домовой, потому что они решили переехать, а он привык к их семье.

– Только сегодня мы спали спокойно, – радовались они.

Целый день дети Тюки на улицу не выходили. Поздно вечером я повела их гулять.

– Я сказку в стихах придумал, – сказал Любомир, здрав голову к звездам. – Там есть новые слова, я услышал их сегодня от папы.

– Давай! – разрешила я.

Любомир поправил шапку с помпончиками и прочитал:

– Жила-была хрена-скотина.

Пошла на базар и спиздила самовар!

– Поведу вас в кинотеатр! – пообещала я. – А плохими словами, чур, не ругаться!

– Хорошо! – согласились дети.

Как только появилась возможность, я повезла их в кинотеатр, на фильм «Зачарованная». В холле мы повстречали сына Риты, Мирослава. Глафира сразу покрылась румянцем, было видно, что он ей понравился. У Мирослава не было денег, поэтому билет ему купила я. Но не на «Зачарованную», а на «Беовульфа».

– Это детское кино, – уверенно сказал Мирослав.

Сеанс должен был начаться через час, и, чтобы скоротать время, я пригласила всех в кафе, заказала колу и пиццу. Глафира, пихнув меня в бок, недовольно сказала:

– Фу, как некрасиво! Джентльмен должен платить за всех, а не ты!

Христофор и Любомир с визгом носились по игровому залу, а Ульяна отправилась проигрывать в автоматы мелочь.

Мирослав принялся говорить о религиях, и получалось, что есть одна правильная религия – христианство, а все остальные – неправильные.

– Кто научил тебя этому? – Я вздохнула. – Все религии по-своему благотворно влияют на людей, особенно если не быть фанатиком.

– В монастыре так говорили! – возразил Мирослав.

– Ты читал Тору или Коран?

– Нет! Никогда! – с жаром воскликнул он.

– Тогда откуда ты знаешь, что другие религии хуже?

– В монастыре сказали, – повторил он.

– Ты же унес ноги оттуда. Разве не так?

У парня забежали глаза, он потерялся и не знал, что сказать. Передо мной сидел молодой человек, который еще не нашел себя: не воин, не добытчик, живущий на деньги родителей-пенсионеров коренной москвич, верящий,

что христианство – самая правильная религия. Он искал в монастыре то, чего не нашел в мирской жизни: покоя, – но оказалось, что и там его нет, а есть интриги, тяжелый труд и грешные мысли. Мне было его жаль, как было жаль всех, кто не знает, чего хочет от жизни.

Глафира, начитавшись о рыцарях и мушкетерах, предполагала, что платить будет мужчина, а когда увидела, что он не собирается это делать и с удовольствием ест нашу пиццу, глаза ее наполнились слезами.

– Как же так? – возмутилась она. – Парень должен сказать: «Я угощаю».

– Да, добытчиком должен быть мужчина, – поддержал сестру Христофор.

С первых минут стало ясно, что детям фильм смотреть нельзя. Англосаксонская поэма о событиях в Скандинавии времен варварства изобиловала откровенными и жестокими сценами. Под жуткие крики в пещере Хеорота мультяшный труп Грендель направо-налево терзал и убивал подданных Хродгара. Дети закрыли глаза и уши. По сюжету, храбрый воин Беовульф должен был задать трепку Гренделю, но дожидаться этого момента мы не стали.

– Полина, нам страшно, – захныкали Ульяна и Любомир.

Я взяла их за руки, и мы в буквальном смысле слова выбежали из зала. Глафира и Христофор – за нами.

Мирослав остался.

Поскольку мы сдали вещи в гардероб, нам пришлось два с половиной часа ждать Мирослава: номерок остался у него, а он даже не подумал нам его вынести.

Дети очень расстроились, но я пообещала отвести их на добрую сказку.

Каково же было наше изумление, когда Лев Арнольдovich, увидев нас, вскричал:

– Нечего ходить на дурацкие сказки! Обязательно посмотрите замечательный фильм «Беовульф»!

Впереди у меня было два выходных подряд, и на следующий день мы поехали на фильм «Зачарованная». Кино всем понравилось. После просмотра я угощала детей в «Макдоналдсе», а голодным котам купила целый мешок сухого корма. Тюкины коты меня очень любили: Чубайс не слезал с рук, Мяо Цзэдун терся о ноги, Мата Хари любила лежать на плечах, изображая воротник. Марфа Кондратьевна шипела как змея вместо благодарности. Ей не нравилась моя дружба с детьми и котами.

Каждый вечер мы делали зарядку. Тюка злилась, потому что в конце мы медитировали.

– Магия! Грех! – визжала Марфа Кондратьевна. – Медитация – не православное дело!

Лев Арнольдович продолжал пить и буянить.

Посреди ночи он пришел в гостиную.

– Вижу, горит красная кнопка! – с этими словами он выдернул из розетки шнур от игровой приставки, которая давно не работала.

Дети проснулись и напугались.

– В Испании на корриде бык бежит на красную тряпку, а наш папа бежит на красную кнопку! – сказала я со шкафа.

Послышался нервный смех.

– У меня голова все время чешется, хотя вшей вроде вывели, – отсмеявшись, сказала Глафира. – Полина, а тело тоже можно мыть шампунем, как и голову?

– Конечно! Неужели ни родители, ни монахини тебе об этом не говорили? – удивилась я.

– Нет, – сказала Глафира. – Я сама догадалась и вижу, что грязь смывается...

Младшие, которых я научила купаться с мочалкой, взвыли от смеха.

В понедельник, вернувшись с работы, я застала обычную картину: Лев Арнольдович грозил Марфе Кондратьевне кулаком, а дети, увидев меня, кинулись с мольбой о супе.

Я бросила в кастрюльку пару картофелин, которые припрятала на балконе, лук и банку сайры. Такой суп мы варили в чеченскую войну. Суп пришлось сторожить, так как Аксинья попыталась выловить из кипятка картофель.

– Хочу ветчины! – крикнула Аксинья.

Все замерли, перестали ругаться, драться и орать, а Лев Арнольдович изумленно произнес:

– Может, она только притворяется сумасшедшей?!

Но больше Аксинья ничего не сказала, у нее потекли слюни, и она вышла из кухни, протяжно постанывая.

– Будет готово – позову! – пообещала я ей.

– Полина – сестра! – Глафира обняла меня.

Дети съели по две тарелки супа – столько вышло на каждого. Пока они ели, я рассказывала им сон:

– Вначале появилась книга в темной обложке. Это была книга великих заговоров. В ней записано три главных магических заклинания, чтобы стать человеком силы.

Первый обряд – дерзкое заявление. Нужно сказать: человек – сам себе хозяин. Тогда к нему придет Дух и сразится с ним. Нужно отстаивать свое мнение.

Затем человек произносит мантру и впадает в обморочное состояние на трое суток. Он видит чудовищ ада, беседует с ними, и ни одного раза он не должен им уступить или преклониться перед ними.

Через трое суток, как только человек придет в себя, к нему явится Дух крокодила. Чтобы выказать ему презрение, человек должен провести указательным пальцем по земле.

После этого к человеку приходит дьявол. Тогда нужно прочитать мантру силы. И дьявол оставит человека в покое.

Следующий обряд заключается в том, что к человеку является Дух мыши. Это самое опасное испытание. Дух мыши хитрее и гораздо опасней, чем все силы тьмы. Если человек с блеском пройдет испытания, то навсегда победит жуткий, леденящий страх, и, в каких бы мирах он ни рождался вновь, страх не потревожит его никогда.

– Вот это сон! – вскричали дети.

– Моя мама нашла эту книгу и прочитала заклинания. С первым испытанием она справилась, но потеряла сознание. Ее тело начало биться в конвульсиях, и я попросила Бога вступить за нее, плакала, но бесполезно. Когда она пришла в себя, к ней явился крокодил, она справилась, и он исчез. Затем пришел дьявол, но она забыла мантру...

Во сне я стала тормошить книгу, но книга нарочно закрывала страницы, перелистывала заклинания, и я ничего не могла прочесть. Маме становилось все хуже. Я испугалась, выбежала на залитую солнечным светом улицу и взмолилась: «Всевышний, помоги, спаси ее!»

День моментально сменился ночью, звезды стали крутиться, словно камешки в бурном водовороте, отчего на меня снизошел священный ужас и трепет. Как только я перестала молить о маме, тьма ушла и вновь наступил ясный день.

Я упала на колени: «Господи, спаси ее душу!»

После моих слов на небо вернулась ночь.

«Нет! – ответил мне Бог. – Каждый может спасти только себя. Делами своими. Помни!»

– Какие у тебя удивительные сны, Полина! – вздыхали дети.

Утром позвонила Антилопа и сказала, что останется дома.

– С добрым утром! – поприветствовала я Льва Арнольдовича, которого разбудил звонок телефона.

– С добрым утром! – ответил он и так пнул проходящего мимо кота Чубайса, что тот взвился, словно голубь, и улетел в коридор.

Марфа Кондратьевна выскочила из кабинета, вооруженная цветочным горшком, и началась потасовка. После схватки, когда правозащитники насытились тумаками и оскорблениями, семья отправилась в церковь. А я уехала к Рите, чтобы хоть полдня побыть в другой обстановке.

Вернувшись, застала детей голодными.

– В церкви был скандал! – сообщила мне Глафира.

– Что стряслось? – спросила я, думая, как удачно принесла от Риты домашний хлеб и банку варенья: Рита сочувствовала детям Тюки.

– Священник назвал папу дедушкой. Он решил, что мы – его внуки. Папа так взбесился, что священнику пришлось спрятаться за прихожанами. А ему вслед неслось: «Православный кретин! Наглая сволочь! Я не дед!»

Выслушав это и поделив хлеб так, чтобы хватило каждому, включая Аксинью, я подождала, пока дети прожуют, и спустилась в супермаркет. Пришла оттуда с минтаем и объявила, что сделаю на вечер рыбный суп. Все заплодировали.

Минут через тридцать с улицы пришел Лев Арнольдovich. Он кричал:

– Не смейте включать вентилятор и смотреть по нему мультики!

– Папа хотел сказать «телевизор», – перевела я детям.

– Я запрещаю тебе говорить в моем доме! Я здесь хозяин! – крикнул он мне.

– Старый дурень, если ты еще раз бросишься на бабюшку в церкви, я определяю тебя в психбольницу! – пообещала супругу Марфа Кондратьевна через дверь кабинета.

Через час Лев Арнольдович рассказывал по квартире и орал:

– Я сбрил бороду! Я теперь не похож на дедушку! Я красавец!

Дети молча стучали ложками, ели рыбный суп, а затем тихо-тихо отправились спать. Христофор признался, что отец несколько раз сильно ударил его по спине во время прогулки.

Любомир, сидя рядом, шептал:

– Каждый из нас может подняться вверх, и только единицы сумеют спуститься вверх по лестнице.

– Не буду вам больше читать «Алису в Стране чудес», – пошутила я.

Узнав, что завтра нужно на работу, я была счастлива. Пусть там придумали компьютерный вирус, боясь, что буду переписываться с кем-то, вместо того чтобы нянчить малыша, я их понимала.

– Где бумага, которая лежала на столе? – спросил меня Бизон, пробегая мимо.

– Вирус стащил, – ответила я, переодевая Никиту.

Бизон прыснул и пошел собирать дорожную сумку. Перед полетом он долго сидел в коридоре и обнимал младшего сына. Я подумала, что никогда бы так не смогла. После войны я ненавидела самолеты.

Домой я поехала на автобусе, потому что кругом была слякоть и грязь и мне не хотелось идти пешком.

Иногда случалось, что под видом контролеров в автобус заходили аферисты и требовали штраф с безбилетников. Едва пассажир доставал кошелек, они выхватывали его и убегали.

На какой-то остановке вошла светловолосая голубоглазая женщина и представилась контролером. Она не внушала опасений, как те негодяи, что выманили

у меня однажды две тысячи рублей. Женщина вежливо попросила предъявить проездные. Я показала свой. Рядом со мной на заднем сиденье сидел худощавый мужчина.

– Ваш билет, – обратилась к нему контролер.

– Вначале докажи, что ты не аферистка, – грубо ответил мужчина.

Контролер показала ему свои документы.

– Я такое тоже нарисовать могу! – заявил мужчина.

– Платите штраф! – потребовала женщина. На вид ей было за тридцать. Полная. Уставшая. С отеками от недосыпа глазами.

– Ха! А вот и билетик! – Мужчина вытащил из кармана разовый проездной, сунул билет контролеру и заливисто захохотал.

Контролер раздосадованно крикнула, выхватила проездной из рук пассажира и разорвала.

– Издеваться надо мной вздумал? Вот тебе! – прокричала женщина и бросила клочки в лицо мужчине.

– Ах ты, змея! – вскричал он.

Контролер, недолго думая, стащила с обидчика шапку и вцепилась в его шевелюру. Он схватил ее за грудь. Так они и покатались по салону автобуса.

– У тебя глаза косые!

– А ты тощий, как швабра!

– У тебя попа толстая! Отъелась на взятках, корова!

– Нормальная у нее попа! – вступился кто-то из пассажиров.

– А у тебя, паразит, сейчас лысина появится! – не сдавалась контролер.

Водитель и пассажиры не стали вмешиваться и различать драчунов. Некоторые даже сумки убрали из прохода, чтобы дать парочке свободно пронестись мимо. Когда драчуны снова оказались возле меня, мужчину я дернула

за шиворот к себе, а женщину отпихнула ногой. Они разлетелись в разные стороны.

Не выпуская воротник дерзкого пассажира, я воскликнула, отдавая дань наивному мировоззрению Глафиры:

– вспомните, вы ведь джентльмен!

– Кто я?! – завопил мужчина.

– Посмотрите, какая перед вами красивая дама, – указала я ему на взъерошенную контролершу, которая плюхнулась на пустое сиденье напротив.

– Дама?! – Ему удалось высвободить воротник, и он сел рядом со мной.

– Конечно! Разве вы не видите? – сказала я.

– Сколько вам лет? – неожиданно спросил мужчина контролершу.

– Тридцать два, – ответила она. – Приехала в Москву из Иркутска, неделю всего работаю, а столько уже наслушалась! Последними словами ругают, будто я проститутка какая-то...

– Молодая! А мне сорок пять! – вырвалось у него. – И до сих пор без семьи!

Женщина, поправив волосы, вышла на следующей остановке. Мужчина секунду поколебался, а потом выскочил вслед за ней:

– Подождите, пожалуйста, я хочу извиниться!

Дальше мы поехали без них.

Поздним декабрьским вечером из Томска в столицу прибыл поэт Уточкин, мужчина лет шестидесяти с проседью в волосах.

С ним появился кремовый торт, что вызвало в семействе Тюки ажиотаж.

Лев Арнольдович за столом вспоминал истории из молодости:

– Дело было на реке Амур. Решили мы выпить. Я, Уточкин и еще пять товарищей-сибиряков. Лед кругом. Романтика! Весенний воздух! Закусили. Выпили. Стихи читали, песни пели. Опять выпили. Вдруг треск раздался. Затрещал лед – и мы на льдине понеслись по бурной реке. Амур быстрый, вода ледяная. Мои товарищи не знают, что делать. Нас на полном ходу уносит в Охотское море. Далеко от берега унесло. Все испугались, кричат, что мы погибнем. Пришлось мне снять куртку и прыгнуть в воду. Я был отличным пловцом, правда, плавать между льдин мне до этого не приходилось. Не знаю, как выбрался на берег. Не помню. Замерз. Помню только, что добрался до телефонной будки и вызвал помощь. За товарищами отправили вертолет. А у меня с тех пор ревматизм...

– Ты, папа, его коньячком лечишь? – поинтересовался Христофор.

– Его больше ничем не возьмешь, – посетовал Лев Арнольдович. – Только спиртом, коньяком и сибирской настоеккой.

– Что еще тебе, папа, приходилось делать? – спросила Ульяна.

– У вашего папы много занимательных историй! – поучительно вставил гость.

– В сорокаградусный мороз, возвращаясь с попойки, увидел я замерзающего человека. Снял с себя свитер, так как куртку потерял, надел на него и сказал: «Грейся, брат!» Добрел до дома и рухнул спать. На следующий день обнаружилось, что по городу бегают бездомный пес в моем свитере. Это его я принял за человека. До сих пор горжусь тем своим поступком! – рассказал нам Лев Арнольдович.

Бизон вернулся из Амстердама и привез магнитик-мельницу с надписью Holland. Антилопа этот магнитик

подарила мне. Заграница казалась мечтой, миллионы людей в России не могли ее увидеть.

Во дворе у Антилопы я подружилась с одной женщиной. Звали ее Галиной. У нее в Москве жила дальняя родственница, которая пустила Галю к себе жить и пристроила работать вахтершей. Галя приехала из Саратова вместе с лабрадором Гердой.

– Представляешь, что по телевизору передают! – Я гуляла с Никитой на детской площадке. Туда же пришла Галина с собакой. – Женщина бросилась под поезд! Всё от несчастной любви.

Галина, несмотря на пенсионный возраст, была бодрой и очень любила читать амурные романы.

– Однажды при мне девушка погибла! Бросилась на рельсы, и все. А я потом несколько месяцев спать не могла! От чувства, от страсти покончила с собой!

– Жаль, что ее никто не спас, – поддержала я разговор.

– А у тебя нет парня? Ни с кем не встречаешься? Как грустно! – посетовала она и вдруг добавила: – Секс – это отлично! Говорить об этом в СССР считалось неприличным, но мне уже за семьдесят, теперь я могу сказать правду!

Глядя на Галину, я вспоминала, как мы познакомились: возвращаясь с работы, я заметила компанию подвыпивших юнцов. Среди них выделялась девчонка лет пятнадцати, у нее в руках была бутылка пива. Трое парней держали складные ножи.

– Сейчас выйдет противная бабка, дадим ей по голове! – сказала девчонка.

Я остановилась рядом и сделала вид, что смотрю в телефон. Юнцы заметно нервничали, дожидаясь, чтобы я ушла. В это время из подъезда вышла пожилая женщи-

на с собакой. Женщина подслеповато щурилась, пытаюсь рассмотреть молодых людей. Те направились к ней.

– У вас разборки? – громко спросила я. Ребята непонимающе уставились на меня. А я вытащила кинжал: – Чего молчите?

Девчонка выронила бутылку пива, и она покатилась, гремя, по асфальту. Парни растерялись.

Пенсионерка, сообразив, что происходит, спряталась за меня.

– Вася! Вася! Меня бандиты убивают! – крикнула она, задрав голову вверх.

Тучный мужик высунулся по пояс из окна пятого этажа:

– Опять гопники! Ну держитесь! Сейчас будет несколько трупов! Я иду с ружьем!

Парни переглянулись и побежали прочь, за ними засеменяла пьяная девчонка.

– Представляете, – обратилась ко мне женщина, – эти юные алкаши вчера буянили в нашем подъезде, хотя они совсем из другого района. Я их прогнала! Они, видимо, решили мне за это отомстить.

– Полина. Я из Грозного, – представилась я.

– Галина, – ответила женщина, протягивая мне руку, и добавила: – Большое вам спасибо.

Гуляя со мной и Никитой на площадке, Галина рассказывала о нелегкой доле вахтера и расспрашивала меня о жизни.

– Хозяева вас не обижают?

– Никита подрастает. На следующий год его отдадут в детский сад, и тогда мне нужно будет искать работу.

– К интернету пускают?

– Я смотрела почту в рабочее время, и Гарри меня сдал. Это не поощряется. Еще и мистика началась... Гарри наступил на кнопку. Антилопа отключила интернет, а на следующий день упала и разбилась ваза.

- Ну и дела! – удивлялась Галина.
- Теперь Бизон и Антилопа включили интернет.

Крестины Никиты Антилопа и Бизон справляли в замке под Москвой. Там жили их друзья. Прислуга бегала с подносами шампанского. Подавали средиземноморские блюда.

Все вели себя очень галантно. А дедушка Никиты даже поцеловал мне руку. Гости, конечно, изрядно приняли за здоровье малыша. Один из пожилых дядюшек нашел среди подарков детскую книжку, на обложке которой была нарисована пчела.

- Что это за птица? – приставал он к гостям.
- Кажись, ворона! – выдал Бизон.

Антилопа знала, что я ни при каких обстоятельствах не притронусь к спиртному, и была спокойна за Никиту. За сверхурочную работу мне заплатили тысячу рублей.

Когда я вернулась домой, поэт Уточкин уже улетел в Сибирь.

Лев Арнольдович собирал по кухне засохшие кусочки хлеба и бормотал:

- Это нельзя ням-ням!

С праздника я каждому принесла по бутерброду с семгой, и дети тарасили глаза, потому что никогда раньше не видели красной рыбы.

– Жизнь налаживается! – прыгал восторженный Христофор.

После сладкой рисовой каши с молоком и финиками – не зря же я работала сверхурочно – Лев Арнольдович, насытившись, скомандовал детям:

– Пора вам, скоты, складываться! – В переводе на человеческий язык это означало: «Дети, пора спать. Спокойной ночи!»

Мы с Глафирой отправили младших купаться, а сами занялись уборкой.

На следующий день, поздравив Гарри и Никиту с наступающим две тысячи восьмым годом, я накупила сладостей и по заснеженным тропинкам свернула к дому Тюки. Снег падал крупными хлопьями, на деревьях лежала кружевная фата, отчего все вокруг казалось сказочным и совсем нестрашным. На мне была новая модная куртка с лисьим воротником, которую я купила себе в подарок. Маме посылки с подарками я отправила, подписала, что отдать детям, что раздать бедным и одиноким старикам.

Проходя мимо остановки, я заметила, как из автобуса мужики грубо выпихнули девушку. Они бесцеремонно отобрали у нее паспорт и телефон.

– Если у тебя нет денег на штраф, поведем тебя в милицию! Безбилетница!

Девушка умоляла ее отпустить.

– Нечего реветь, в милиции с тобой быстро разберутся! – басил толстенный широкоплечий контролер.

– И развлекутся! – хохотнул его напарник.

– Мы в Чечне воевали, знаем, как с вами надо. – Широкоплечий поднес кулак девушке под нос.

Это были те самые оборотни-контролеры, бывшие спецназовцы, с которыми однажды пришлось столкнуться и мне.

Люди на остановке делали вид, что происходящее их не касается. Они не хотели нарываться на неприятности!

– Верните девушке паспорт! – сказала я, поставив тяжелые пакеты на снег.

– А ты кто такая? Ну-ка быстро шуруй отсюда! – обозлились контролеры.

– Нет у меня денег! – плакала девушка.

– Вот вам сто рублей, верните ей паспорт. – Я вытащила из кармана и протянула им деньги.

Широкоплечий нехотя отдал девушке паспорт и телефон, который уже успел засунуть в карман.

– Спасибо вам! – Девушка сквозь слезы улыбнулась. – Я верну деньги, вы скажите номер мобильного и как вас найти...

– Квитанцию об оплате выпишите, пожалуйста! – сказала я контролерам.

Мужики замялись, но под взглядами людей на остановке выписали квитанцию, недовольно сунули ее мне и засеменяли к магазину.

– Ваш номер телефона... Я все верну... – Девушка вытирала слезы.

– Все в порядке, – сказала я. – С Новым годом!

31 декабря Лев Арнольдovich притащил из Битцевского парка живую елку. Марфа Кондратьевна украсила ее стеклянными бусами и разноцветными дутыми шариками, а дети станцевали вокруг.

На мои уговоры не рубить деревце, поскольку я подарила им искусственную, дорогую и очень красивую ель, каждая веточка которой переливалась светодиодами, Лев Арнольдovich возразил:

– Полина, нам нужен адреналин! И запах, смотри, какой! Волшебство!

Коты пытались сбить с веток блестящие фонарики и гирлянды, а я понимала, что иголки от живой елочки будут лежать в квартире Тюки до июля.

Приехала в гости Нонна, мать Леры, из Санкт-Петербурга, поэтесса. Она пела нам романсы. Рыжеволосая Нонна призналась, что в молодости была влюблена во Льва Арнольдovichа.

– Но я была замужем, а он – женат! Так у нас ничего и не вышло! А чувства в сердце остались на всю жизнь!

Она стала налаживать дребезжащее пианино.

В свои шестьдесят Нонна выглядела восхитительно, словно явилась к нам из середины XIX века, когда костюмы женщин были прелестны и романтичны. Она сочиняла стихи и музыку, ходила в филармонию и музеи. И еще ухитрялась путешествовать по свету без копейки денег, принимая от первых встречных еду и билеты, нередко ночевала под открытым небом. Удивительная женщина, на которую мы смотрели в изумлении: ее мир был фантастической загадкой.

– Сейчас я из Франции, три года жила в старинном аббатстве, – рассказала она.

– Вы знаете французский? – удивились мы с Глафирой.

– Пантомима! Музыка! Божественное откровение...

Ими можно объяснить в Перу, в Испании, в Греции! Повсюду! Я пришла в аббатство и попросилась к ним жить. Монахини сами оформили мне документы. Миграционная служба почти дала гражданство... – объяснила Нонна.

– Как это? – ахнул Лев Арнольдович.

– Все просто. – Нонна улыбнулась. – Я должна была не выезжать за пределы Франции еще ровно год. Но однажды я проснулась и поняла, что хочу увидеть Россию! Затосковала по нашим просторам, рекам, по нашим людям! Приехала в аэропорт и попросила в толпе, ожидавшей родных из России, купить мне билет. Какой-то молодой бизнесмен оплатил мне билет до Москвы первым классом, услышав трогательные слова о родине.

Мы зажгли свечи, потушили свет и слушали старинные русские романсы, которые Нонна великолепно исполняла. У нее было нежное контральто, полнокровные, густые ноты в малой октаве, они пленяли нас и уносили к мечтам...

Я приготовила ароматный плов с курицей и специями и нежный форшмак. Марфа Кондратьевна, наскоро поев, заявила, что Новый год нужно встречать в церкви, и ушла на всю ночь. Ее никто не удерживал.

– А сейчас будет сюрприз! – объявил нам Лев Арнольдович.

Сюрпризом оказался вишневый пирог, который он спрятал на лоджии, но вот незадача: Аксинья наступила на него ногой.

– Пирог превратился в кляксу с отпечатком ноги снежного человека! – сказал Христофор.

Под шутки и песни пирог был съеден: дети просто слизали его со дна коробки.

1 января я проснулась в десятом часу. Дети смотрели в окно на сугробы. Нонна порхала по комнате: собиралась на Гавайи.

– Покручусь в кафе аэропорта, – поделилась она своим планом. – Там порой сидят обеспеченные люди, которым скучно лететь одним. Они ищут собеседника до Штатов. Им ничего не стоит купить лишний билетик. А загранпаспорт у меня в порядке!

Нонна прекрасно знала русскую литературу, могла часами пересказывать повести и рассказы, наизусть знала стихи поэтов Серебряного века.

– Удачи вам, тетя Нонна! – пожелали мы ей.

Дети обнаружили в Битцевском лесопарке гигантскую ледяную горку, с которой можно было лететь на салазках так, что захватывало дух. Мне, звонко хохотавшей и довольной, казалось, что вот она, компенсация за погубленную на чеченской войне юность. Всласть накатавшись с горки, мы бросались снежками и строили снежную крепость. На градуснике было минус семнадцать,

но, поскольку я накутала детей и сама тепло оделась, мы не замерзли и не простудились.

На ужин я сварила спагетти и пожарила шампиньоны.

Тюка с транспарантом «Мы стянем пояс туже, все будет еще хуже!» куда-то ушла. Бизон и Антилопа улетели отдыхать в теплые страны, выдав мне премию – сто долларов, и оставили ключи от своей квартиры.

– Полина, приходите ночевать к нам. Можете в интернете сидеть, – сказала Антилопа.

Несколько январских дней я провела с детьми Марфы Кондратьевны, а потом ушла в квартиру работодателей набирать дневники. Сначала мне помогала дворничиха Надежда, но она плохо видела, поэтому в набранном тексте оказалось еще больше орфографических ошибок, чем в оригинале.

Позвонил Лев Арнольдович и запричитал в трубку:

– Полина, у меня украли телефон! Последнего лишили! Ироды!

– Откуда вы звоните сейчас? – уточнила я.

– Со стационарного аппарата! Мобильника-то у меня больше нет!

В отличие от Марфы Кондратьевны, владеющей десятками телефонов для разных переговоров, мобильный у Льва Арнольдовича был единственный, древний, перевязанный посередине скотчем, сбоку склеенный изолентой, с парой выпавших кнопок. Ни один вор в мире, даже под воздействием алкоголя или чего-то покрепче, на такой бы не покусился. Поэтому я Льву Арнольдовичу не поверила.

– Украли! – продолжал жаловаться он в трубку. – Сим-карту не поменяли! Я звоню вора, а они не отвечают, окаянные!

– Стоп, – сказала я, – телефон никто у вас не крал.

– Где же он?! Мы со вчерашнего дня его ищем!

– Ждите, скоро приеду, – пообещала я, понимая, что без меня они все равно ничего не найдут.

Лев Арнольдович с детьми встретил меня у подъезда. Аксинья страшно выла: ей хотелось гулять.

– Телефон у папы украли! – бросилась ко мне Глафира.

– Старый телефон, замотанный изолентой, не возьмет даже самый опустившийся алкаш! – возразила я. – А если возьмет, то вскоре вернет да еще принесет вам хлеба и молока.

– Мы звонили на мобильник, дома его нет! – сокрушался Лев Арнольдович.

Аксинья крутила головой, словно это была юла, а младшие похватили палки и били друг друга, поскольку без меня другого развлечения придумать не могли.

– Пойдемте за дом, там телефон поищем, – предложила я.

– Нет там телефона! Его украли! – стоял на своем Лев Арнольдович.

– Завоеватель, – сказала я Христофору, – сможешь вычислить квадрат, как в игре «Морской бой», куда выходит окно отцовской спальни?

– Да! – Христофор припустился за дом. Остальные дети побежали за ним.

Снег шел несколько дней. Под окнами намело сугроб. И, кроме того, с тротуаров и с дороги туда же бросали снег дворники Рузи и Давладбек.

Я начала звонить на номер Льва Арнольдовича. Из-под сугроба раздался жалобный писк. Дети перелезли через ограду – кому-то снег был по пояс, кому-то – по шею – и начали рыть. Аксинья тем временем вытащила из мусорного бака стеклянные бутылки и с упоением била их о качели на детской площадке, но на нее никто внимания не обращал, все были заняты.

– Я чувствую себя спасателем на раскопках! – объявил Христофор, когда услышал от меня просьбу о «минуте тишины».

Копнув как следует, я вытащила из-под снега новехонький мобильник Тюки, а за ним и видеокамеру.

– Ох, ничего себе! – вскричал Лев Арнольдович. – Значит, Аксинья из окна вещи швыряла! Мы бы и не догадались в сугробе посмотреть! Спасибо, Полина!

Порывшись еще, мы извлекли точилку, альбомы, несколько книг, калькулятор, будильник, кассеты с песнями Галича и обломок стены, который Аксинья отбила в коридоре. Также нам попало несколько кусков собачьего дерьма, презервативы и рваные колготки.

Со стороны это, наверное, выглядело забавно: нищие копаются под окнами многоэтажного дома на окраине Москвы, периодически устраивая минуту тишины. Телефон Льва Арнольдовича из-под снега пищал на последнем издыхании, но именно его мы найти не могли. Прохожие крутили пальцем у виска. Какая-то гражданка с дворнягой на поводке обозвала нас бомжами и пригрозила вызвать наряд милиции.

Через час мобильник Льва Арнольдовича перестал подавать признаки жизни.

– Умер! Испустил дух! – разволновался Лев Арнольдович. – Мобильник, живи! Живи!

Аксинья продолжала бить бутылки, успокоить ее мы не могли.

Все копали снег руками и в конце концов встретились в одной точке. словно дикие псы, мы тщательно искали добычу и, разрыв ледяной холмик, обнаружили пропажу. Я вытащила мобильник и протянула Льву Арнольдовичу.

– Ура-а-а! – закричали дети.

– С меня сладкий рулет! Куплю с айвовым вареньем! – пообещал довольный Лев Арнольдович.

Бизон и Антилопа, вернувшись в Москву, начали готовиться к переезду. Мне пришлось на несколько дней оставить семью Марфы Кондратьевны и уехать с Никитой к его бабушке в Подмосковье. Поскольку у малыша был режим прогулок и кормления, я работала по часам, утомлялась мало, а главное – высыпалась по ночам. А еще смогла набрать на компьютере несколько тетрадок чеченского дневника. Бабушка Никиты любезно записала их на диск.

Перед отъездом я строго-настрого наказала Глафире готовить фасолевый и рисовый супы, закупив продукты в достаточном объеме, чтобы дети были сыты.

Вернувшись в дом Тюки, я с порога окунулась в жалобы Любомира и Ульяны:

– Полина, мы чешемся! Помогите!

Подведя их к лампе, я убедилась: у детей появились вши.

– Как?! Четвертый раз за год! – Я кинулась в кабинет их матери.

– Они не мылись... Я им предлагала. Сами виноваты, – оправдывалась Марфа Кондратьевна.

– Пока меня не было, вы не купали детей, имея в доме горячую воду?! От кого они подхватили вшей?! Вы разве ли живность размером с муравья! – возмущалась я.

Марфа Кондратьевна продолжала беспомощно разводить руками. Телефон разрывался: правозащитники и диссиденты звонили ей из разных стран мира.

Запах пота в квартире стоял нестерпимый: родители и дети в мое отсутствие действительно не мылись. Коты гадили в обувь, потому что их лоток тоже никто не менял. Если путем долгих переговоров мне иногда удавалось загнать в ванную Глафиру и Христофора, то младшие всегда охотно купались сами. Лев Арнольдович и Акси́нья – тоже. Но Марфа Кондратьевна упорно не принимала ванну по несколько недель.

Любомир напевал:

– По стене ползет кирпич,
Полосатый, как трамвай.
Ну и пусть себе ползет...
Может быть, у них гнездо?

Я отправила Льва Арнольдовича в аптеку за средством от педикулеза.

– Как я дожил до такого? – причитал Лев Арнольдович в прихожей, трясая отросшей бородой. С нее щедро сыпались насекомые.

Марфа Кондратьевна, поняв, что телефонные переговоры откладываются, разобиделась и заявила:

– Полина, перестань возмущаться! Нечего тут панику разводить! Подумаешь, вши!

– Но, мама, мы чешемся... – заявил Христофор.

– Мама, почему ты нас не купала? – спросила Ульяна.

– Вы сами не хотели... – огрызалась Тюка.

Глафира, наслушавшись от матери, что первую воду от крещения смывать нельзя и нужно избегать купания, смотрела на принесенное отцом лекарство настороженно.

Я усадила их рядом: Марфу Кондратьевну, Льва Арнольдовича, Глафиру, Христофора, Любомира и Ульяну. Густо намазала их волосы пахучей смесью, сверху надела пакеты для мусора, закрепила прищепками и запретила снимать.

– Так будете сидеть полчаса! Потом по одному пойдите в ванную! – предупредила я.

Оставив их на диване, я сходила в комнату к Аксинье и намазала ее средством от вшей. Затем вытащила утюг, стиральный порошок и, отправив часть белья в стирку, начала переглаживать более-менее чистые вещи. Работа предстояла до утра. Мне, разумеется, никто не помогал.

– Теперь я буду называть вас не правозащитники, а любимые паразиты, – предупредила я Марфу Кондратьевну и Льва Арнольдовича.

– Насекомые бегают! – сообщил Любомир.

Дети чесались через пакеты.

– Еще бы им не бегать... Вши мечтали завести большую и дружную семью... – ответила на это я.

Глафира и Христофор засмеялись.

Тридцать минут пролетели быстро.

– У нас за десять лет войны не было вшей! Ни у кого! Мы купались каждый день! В тазу! Топили снег, мыли волосы. Что же вы, москвичи, себе позволяете? У вас ванна с горячей водой, шампуни, гели! – возмущалась я.

– Вшами меня жenuшка заразила! В который раз муки терплю! – истошно орал Лев Арнольдович. – Когда этот кошмар закончится?!

– Мне некогда мыться! Я спасаю мир! – надулась Марфа Кондратьевна.

Через несколько дней страсти улеглись.

Я перестирала всю одежду и постельное белье, выгладила вещи, повторно провела процедуру по истреблению вшей, так как насекомые оказались с иммунитетом, сделала генеральную уборку, но «спасибо» от правозащитников не услышала. Правда, Лев Арнольдович и дети повеселели, начали напевать песенки, а чесаться перестали.

В субботу глава семейства сообщил, что мы поедем к отцу Тюки, в подмосковный городок: я, он и дети. Деда, отца Марфы Кондратьевны, младшие видели всего один раз в жизни, поэтому ничего о нем рассказать не могли, кроме того, что он «важный человек» и живет в «особенном месте». Марфа Кондратьевна с отцом общалась редко.

– Почему не общаетесь с дедушкой? – спросила я Глафиру.

– У мамы на него зуб, – ответила она. – Маму сдали в детский дом, и она росла сиротой при живых родителях. Теперь отношения слегка натянутые.

Поскольку Глафира в конце фразы сделала большие глаза и показала язык, стало ясно, что Тюка своего отца на дух не переносит.

– Старый профессор любит пригубить целебной настойки, – бормотал Лев Арнольдович, рассовывая по карманам бутылки с крепкими напитками.

– Ты мне смотри! Сильно не нализывайся! – предупредила Марфа Кондратьевна супруга, высунувшись из кабинета.

– Хвойная настойка на спирту полезна для почек! – с видом знатока объяснил ей Лев Арнольдович.

– Там градусов больше, чем в водке! – напомнила Марфа Кондратьевна.

– Нам, сибирским мужикам, это все равно! – возразил супруг.

Марфа Кондратьевна к нам не вышла. То ли боялась, что дети могут запросить пропущенные завтрак и обед, то ли не хотела говорить об отце.

На улице трещал мороз, минус четырнадцать градусов, но ощущалось как минус двадцать, а к вечеру обещали похолодание.

Вначале мы ехали на автобусах, потом долго шли пешком, пока не заблудились. Затем нас подвез таксист, не взяв ни копейки. В машине Аксинья издавала протяжные звуки, Христофор и Любомир дрались, Ульяна прыгала, а Глафира стучала младшим по спине Библией, которую прихватила в подарок деду. Лев Арнольдович любовно поглаживал бутылки с настойкой и клялся, что денег нет. Таксист махнул рукой и был рад, когда нас высадил.

– Есть еще добрые люди на Руси! – восторгался поступком таксиста Лев Арнольдovich, когда мы оказались у двухэтажного особняка, который тонул в корабельных соснах.

– Как тут красиво! – восхитилась я.

– Элитное поселение, все под охраной! – Лев Арнольдovich постучал в железные ворота кулаком.

– Дедушке некогда было маму воспитывать. Дедушка делал карьеру, стал профессором, выступал на конференциях, – сказала Глафира. – Бабушка покончила с собой, а у него появилась новая семья. Теперь они живут здесь...

Ворота открыла симпатичная девушка моих лет, и я вначале подумала, что это прислуга, но оказалось – падчерица. На участке был разбит сад с фонтанами и лужайками, которые сейчас были укрыты снегом.

На обед подали борщ со сметаной. За столом прислуживала филиппинка, не понимавшая по-русски ни слова. Указания ей делались на английском.

– Вы рисовую кашу будете? – спросила детей супруга профессора. На ней было закрытое голубое платье.

– Будем! – закричали дети.

– А хлеб с маслом?

– И хлеб с маслом!

– А макароны с сосиской?

– Дайте! Дайте нам макароны с сосиской!

– Совсем вас мать не кормит, – сделала вывод мудрая женщина и распорядилась поставить на стол все, что имелось в доме.

Дети хватали еду руками, позабыв элементарные правила приличия. Христофор весь вымазался в сметане.

– Нас только Полина кормит, когда с работы приходит, – с набитым ртом сказал Любомир.

– Но работает она иногда сутками, – добавила Глафира. – А нам все время есть хочется!

– Папа вам картошку жарит, – напомнила я.

– Раз в несколько дней, – уточнила Ульяна, облизывая пустую тарелку от борща.

– А мама – вообще никогда! – заметил Христофор.

Лев Арнольдович и профессор пребывали в своей реальности: они сидели рядышком, чокались, шутили, балагурили, не обращая на нас никакого внимания. В разговоре Лев Арнольдович посетовал, что Марфа Кондратьевна меня невзлюбила.

– Всегда была дурую, – заключил профессор. – Тюка есть Тюка!

И они продолжили пить сибирскую настойку.

Через пару часов профессора, изрядно наклюкавшегося, под руки увели отдыхать. Он пытался что-то сказать, но только молча жевал губами и таращил глаза. На меня он произвел впечатление благодушного старичка.

Лев Арнольдович сильно шатался после выпитого, но тем не менее заявил:

– Мы едем домой!

На часах было пять вечера. За воротами приветливо махали лапами сосны и ели.

– Я знаю путь к железнодорожной станции. Идти пятнадцать минут, а можно отправиться через лес, тогда за полчаса дойдем, – сказал Лев Арнольдович.

– Пойдемте сразу к станции, – попросила я.

– Папа, надо к станции, – поддержали меня дети.

Лев Арнольдович запел вдохновляющую революционную песню и зашагал напрямиком в чащу. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

– Мороз – минус четырнадцать, – напомнила я. – К ночи будет хуже.

– Разве это мороз, Поля?! Там, где я родился, зимой минус пятьдесят! – возразил мне Лев Арнольдович. – В ми-

нус пятьдесят мы катались на лыжах! Прекрасное было время!

Преодолев глубокий овраг, мы вошли в зимний лес. Снег лежал по колено, и мы проваливались в сугробы. За нами следом увязалась бездомная собака, среднего размера, черная, с оторванным ухом. Христофор сделал себе посох, отломив ветку от березы. Я последовала его примеру, так как идти было тяжело. Лев Арнольдович, словно не замечая нас, бодро шагал впереди.

Мы с детьми шутили, что идем неизвестно куда, но через полтора часа нас охватило волнение: на небе появились звезды, мы оказались непонятно где, кругом снег и никакой цивилизации.

– Папа, я устал, – захныкал Христофор.

– Папочка, мы тут погибнем? – тормошили отца Ульяна и Любомир, держась за руки.

– Куда вы нас завели, папа? – спросила я.

Лев Арнольдович не отвечал.

– Я с вами. Мы выберемся, – пообещала я детям.

Судя по всему, мы начали ходить кругами. Бездомная собака легла на снег и тоскливо скулила: она поняла, что мы попали в переделку и не идем туда, где тепло и еда.

Еще через час мы вспомнили о службе спасения. Я попыталась дозвониться в милицию, в скорую помощь и МЧС, но в лесу отсутствовал сигнал.

– Мы в туалет хотим, – ныли дети.

– Это пожалуйста, под любым деревом! – Я повела рукой вокруг.

Лев Арнольдович уже не выглядел таким уверенным, как в самом начале, он понял, что мы потерялись.

Собака, поплутав с нами еще некоторое время, исчезла за деревьями. Аксинья периодически падала на снег и каталась, показывая таким образом, что дальше идти не может.

– Огрею хворостиною! Пошла! – грозился отец.

– Аксинья, милая, пойдем, немножко осталось, – ласково звали ее за собой я и дети.

На лесной поляне нам встретились ледяные скульптуры высотой в три-четыре метра, с характерными для мужчин и женщин физиологическими особенностями. Это наводило на странные мысли.

– Что за люди их сотворили? – Одной рукой Глафира истово крестилась, другой светила на ледяные изваяния экраном мобильного телефона. – Не попадем ли мы в лапы к сексуальным маньякам?!

– Ага, надейся! Раскатала губу, доченька! Поджидают тебя сексуальные маньяки за ближайшей сосной! – усмехнулся Лев Арнольдович.

Глафира обиженно ойкнула. Младших детей я попросила держаться вместе и не отпускать друг друга.

Яркая луна освещала скульптуры, которые выглядели поистине зловеще. Отдельно изо льда были вырезаны мужчины и женщины, а ближе к деревьям стояли совокупающиеся фигуры метра три в высоту.

– Что это, папа? – спрашивали наперебой Ульяна, Любомир и Христофор.

– Кто-то слепил снеговиков!

– Папа, почему у него сиси?! – нахмурился Христофор.

– Это снежная баба! – стоял на своем Лев Арнольдович.

– Почему тетя и дядя вместе? – заинтересовалась Ульяна.

– Два снеговика замерзли и греются! – нашелся Лев Арнольдович.

Отойдя с детьми от лесной опушки, я немного успокоилась, хотя сосны опять закрыли лунный свет и кругом была непроглядная темень. Иногда вдалеке раздавался стук колес, но, кроме меня, его никто не слышал, и где шла электричка, было непонятно.

Христофор от усталости несколько раз упал, младшие плакали, Глафира стонала от боли в ногах. В одиннадцать вечера все поняли, что дальше идти не могут.

– Мне завтра на работу в семь утра! Меня попросили посидеть с Никитой! – напомнила я.

– Заночуем в лесу, – решил Лев Арнольдovich. – Выкопаем ямы в снегу.

– Будильник надо поставить на четыре утра. Полине еще в Москву добираться на работу, – сказал Христофор.

А я уже представила себе физиономии Бизона и Антилопы, если опоздаю...

Все стали рыть траншею и укладываться спать. Я возражала, твердила, что это плохая идея, но Лев Арнольдovich не слушал. Он улегся первым, за ним – дети. Я сидела, обхватив колени руками, и пристально вглядывалась в темноту. Когда мои спутники задремали, я заметила среди деревьев электричку. Возможно, мне показалось, так как электричка двигалась бесшумно, но я громко закричала:

– Электричка!

Дети повыскакивали из своих снежных колыбелей.

– Не ходят в лесу электрички! – недовольно пробормотал Лев Арнольдovich. – Не выдумывай, Поля! Спим!

Но я, схватив детей за руки, побежала в ту сторону, где увидела огни. Лев Арнольдovich нехотя поплелся за нами.

Глафира сразу мне поверила:

– Если Полина говорит, что видела в той стороне свет, нам нужно идти туда! – И, взвалив на плечи Ульяну, она зашагала вперед.

Мы шли из последних сил, в общей сложности проплутав в лесу семь часов. Примерно через километр я вывела детей к железной дороге. Мы действительно несколько часов ходили кругами, словно нас закружил леший. Шагая по шпалам, мы добрались до станции и успе-

ли на последнюю электричку; следующая была только ранним утром.

Мы вошли в теплый, светлый вагон на станции Мичуринец. Дети повалились на пустые сиденья и мгновенно заснули. У нас на всех был один социальный билет Аксиныи, но контролер, непонятно каким образом оказавшийся посреди ночи в вагоне, увидев нашу компанию, застыл с открытым ртом: вокруг нас растеклись гигантские лужи, а выглядели мы так, будто вырвались из плена Снежной королевы. Контролер обошел нас стороной, участливо кивая головой, и про билеты даже не заикнулся.

Когда мы добрались до Москвы, метро уже не работало. Я остановила первое попавшееся такси, объяснила ситуацию, и мужчина, откуда-то с юга, то ли армянин, то ли грузин, согласился подвезти нас бесплатно до самого дома.

Младших детей пришлось нести на руках, сами идти они не могли. Аксиныя выла на всю улицу.

Домой мы ввалились в третьем часу ночи, и Марфа Кондратьевна оказала нам честь – вышла навстречу.

– Папа напился и чуть не угробил нас в лесу! – с порога заревел Христофор.

– Папа нас заблудил, – поправила брата Глафира.

– Папа завел нас в лес! Мы потерялись! – Ульяна плакала, щурясь от яркого света.

– Полина нас всех спасла! – доложил Любомир.

Первое, что сделала Тюка, услышав жалобы детей, – это схватила в руки швабру и погналась за супругом, который, уворачиваясь от ударов, успел заскочить в ванную и запереться.

– Душегуб! Мучитель! – орала Марфа Кондратьевна.

Лев Арнольдович из ванной до утра не показывался, он рухнул там спать. Дети, побросав одежду в коридоре,

улеглись на диван и на кресло, а я забралась на шкаф и завела будильник на шесть утра.

Поскольку ванная была занята Львом Арнольдovichем, утром я умылась в кухне над раковиной и отправилась на работу. Мне повезло, что днем Никита заснул, и я тоже проспала три часа.

Возвращаясь вечером в дом Тюки, я думала над удивительными событиями, которые случились в моей жизни и которые я зачем-то записывала. Вдруг однажды опубликую.

Еще я размышляла о «тайниках» в доме Тюки, которые были повсюду. В холодильнике, например, можно было обнаружить калошу, вымазанные майонезом домашние тапочки и чуваки, в ящике для столовых приборов – икону, в кошачьей миске – новые очки отца.

Как утверждал Карл Юнг, есть коллективное бессознательное, и это были его явные проявления: тапочками дрались, калоша стала ответным ударом, и в ходе боя они оказались в холодильнике. Икона попала к вилкам и ложкам, потому что на стене ей не нашлось места... Очки – сущий пустяк, они свалились с кастрюльки, которая стояла на подоконнике, а рядом урчал кот Чубайс в ожидании солнца.

Квартира Марфы Кондратьевны и Льва Арнольдovichа сама по себе стала тайником: здесь можно было затеряться, что и делали чеченцы, бежавшие в Европу, и внезапно найтись – особенно при иностранных корреспондентах.

Меня в такие дела никто не допускал, но я тоже жила в этой квартире, кормила и купала детей, занималась хозяйством, для госпожи – прислужница, для остальных – сестра.

Потайные места здесь были на каждом шагу: Тюка прятала конверты с письмами заключенных и валютой, Лев

Арнольдovich – бутылки с алкоголем. Поскольку в квартире сам черт ногу сломит, спрятанное потом искали всем миром, вместе с гостями.

Я тоже прятала пакеты с гречкой и рисом, чтобы накормить детей.

Снежным январским вечером ждали в гости батюшку-тамаду с супругой. Лев Арнольдovich заранее купил и в ему одному известное место запрятал бутылку красного вина.

Едва я открыла дверь и вошла, Глафира похвасталась:
– Аксинья весь день спала на топчане, не кусалась, не била посуду!

Это было поразительно. Остальные дети резво скакали по квартире и сразу бросились ко мне с объятиями.

Все ждали, чтобы я приготовила ужин. Я сварила гречку, сбобрила маслом и, открыв рыбные консервы, подала на стол. Гости выглядели довольными. Дети стучали ложками. Под конец трапезы Лев Арнольдovich, обращаясь к гостям, сказал:

– Сюрприз! – и вытащил из-под плиты совершенно пустую бутылку.

Сначала он онемел, потом покраснел. Марфа Кондратьевна взглянула на супруга вопросительно. А Лев Арнольдovich злобно посмотрел на меня и на Глафиру.

– До вашей бутылки я под страхом смерти и пальцем не дотронулась, – на всякий случай сказала я. – Я росла при шариате!

– Знаю, – выдохнул Лев Арнольдovich.
– Господи помилуй... – затынула Глафира.
– Это не мы! Мы не брали! Слово пиратов! – Любомир и Христофор отрицательно покачали головами.

В этот момент в кухню вбежала дородная Аксинья и начала весело отплясывать перед гостями нагишом. Уперев

руки в бока, она выделявала такие ловкие коленца, что в первую минуту мы онемели. Над больными людьми смеяться – тяжкий грех, но, не выдержав, мы захохотали, а батюшка-тамада так повизгивал, схватившись за голову, что я испугалась за его здоровье. Супруга батюшки-тамады, задыхаясь от смеха, хватала ртом воздух. Всем стало ясно, кто опустошил тайник Льва Арнольдовича.

Глафира, Тюка и я, отсмеявшись, наперегонки бросились за простыней, чтобы прикрыть наготу Аксиньи.

В Прощеное воскресенье, выпавшее на третье февраля, к шкафу, на котором я спала, подкралась Тюка со словами:

– Прости меня ради бога, Полина! Я православная, поэтому прошу прощения, чтобы и мне все простилось.

Но я, вспомнив, как моя мать по ее вине отморозила себе ноги, сказала:

– Нет, не прощу вас, так и знайте.

Она обиженно захохла и ушла.

Я собрала сумку и уехала в Ставрополь, на зимнюю сессию. Автобус нес меня по заснеженным дорогам, мелькали вдалеке деревеньки, где люди не жили, а выживали, и на душе было гадко и тоскливо от разложения системы, в которой никому нет ни счастья, ни помощи. Жили всласть те, кто пробрался к кормушке, и подхалимы, усердно лизавшие им ботинки. И те и другие давно забыли, что такое честь и совесть.

В Ставрополе все повторилось: мама, покупка необходимых ей вещей и лекарств, подарки, которые я привезла.

В университете я заучивала материал впопыхах, блуждая в своих мыслях как в пещере, и окончательно скатилась на тройки. Мечта о красном дипломе оставила меня навсегда. Студенты массово давали взятки. В деканате на все установили тариф: сколько стоит тройка или чет-

верка, красный диплом... Секретарь беззастенчиво собирал дань.

Страна погрязла в мафии и коррупции. Обреченное поколение безграмотных идиотов наполнило Россию, которой страшно не повезло. В который раз пластинку заело на том же месте, у неуклюжего демиурга, присматривающего за данной территорией.

Глубочайшее одиночество внутри сознания обрастало текстами. Время было расписано по секундам, четыре-пять часов на сон, если повезет. Хотелось сломать эту адскую машину и разнообразить жизнь, пусть даже нелепой влюбленностью. И тут мне не везло, потому что я могла выйти замуж только за мусульманина, но не радикального, а светского, просвещенного, и еще нужно, чтобы он был философом, почитал родителей, вел здоровый образ жизни и любил собак. Мы не можем встречаться с мужчинами так, как это делают девушки, выросшие вне шариата, потому что это противоречит традициям! В момент подобных рассуждений я понимала, что мне ничего не светит, – так и помру в одиночестве.

Однокурсницы в университете жаловались на судьбу: замужние изменяли сами или расходились из-за измен, разведенные ходили по рукам, страдали, кто-то пытался покончить с собой. Молодые женщины теряли веру в будущее, переставали жить романтикой и ожесточались. Они тыркались, как слепые котята, не видели выхода и не понимали, где именно совершили ошибку и почему все в их жизни пошло наперекосяк. Счастливых в моем окружении не наблюдалось. Это заставило меня задуматься над тем, что счастье – понятие эфемерное, условное и для каждого оно означает что-то свое. Для меня это был безмятежный покой.

Вернувшись в Москву из Ставрополя, я ранним утром бежала на работу к Антилопе, декламируя стихи, сочиненные на ходу:

«Запутанно.

Сонно.

Мы ищем кого-то,
Кто смысл нам подскажет

Пинка и конфет.

А жизнь монотонно

Летит

К повороту,

Но там –

Бесконечность.

И выхода нет.

Есть только усталость

От прошлых рождений,

И свет

Душ чужих,

Что пытались

Согреть,

И мудрая старость,

И бледность смирений,

И юность,

Которую можно раздеть.

Там все повторится.

Вертись, Колесница!

Мы спляшем на Ганге

Священный фокстрот!

Ты будешь мне сниться?

Мне что-то не спится.

Я вижу... огонь...

И мерцающий плот».

Я размещала свои стихи на литературном сайте. Там же у меня завязалась переписка с ровесником. Парень представился художником. «Может быть, стоит с ним встретиться?» – размышляла я всю неделю, а в выходные, когда он позвал меня побродить по Москве, неожиданно согласилась.

– А как же мы?! – расстроился Лев Арнольдович. – В доме ни одной чистой чашки...

– Мы хотим курицу и пюре! – требовал Христофор.

– А потом гулять! – кричали Ульяна и Любомир. – Возьми нас в кино, Полина!

– Ты что, собралась на свидание?! – сверлила меня взглядом Глафира. – Ты подушилась духами и подкрасила ресницы! Я все видела!

Букет полевых цветочков, который Лев Арнольдович принес со словами «Скоро весна!» и поставил на подоконник в трехлитровой банке, съели оголодавшие коты, решив, что это угощение. Квартира походила на берлогу троллей. Мое отсутствие в будние дни не побуждало членов семьи к уборке, они терпеливо ждали меня для устранения бедлама.

– Картошку в мундире сварила, сайра в банке, – сказала я и шмыгнула за дверь.

На Москву обрушился дождь, несмотря на февраль. Снег стаял, и я надела кроссовки. На мне были узкие джинсы – недавняя покупка. Джинсы украшали металлические вставки с разноцветными стеклышками. Еще

я купила себе укороченную бордовую куртку и красивую рубашку в стиле милитари.

В кармане зазвонил мобильный телефон.

– Ты где? – спросил художник.

– Вышла из метро «Пушкинская». Стою у магазина «Этуаль», – слегка волнуясь, ответила я.

– Это на другой стороне! Сейчас прибегу.

Мы даже не знали имен друг друга.

На сайте я зарегистрировалась под псевдонимом, поэтому решила представиться Анной. «Интересно, – подумалось мне, – сколько я продержусь, чтобы не заговорить о чеченской войне...» Ветер безжалостно трепал мои золотые локоны, и я ругала себя за то, что не надела платок или берет. Когда издали я увидела его, промокшего под дождем, в вареных джинсах и серебристой куртке с модным логотипом, то заметно повеселела. Парень оказался симпатичным. Его фото в анкете не было обманом.

– Привет! – сверкнула его улыбка. – Куда пойдём?

– Не знаю.

– Тогда на Арбат?

– Давай. Там еще не была, – призналась я.

– Как?! – поразился он. – Это же центр нашей столицы!

– Так сложилось.

И мы отправились гулять по Москве.

Словно из духа противоречия, я попыталась перебежать дорогу на красный свет.

– Зачем ты это делаешь? – спросил меня парень.

– Не хочу иначе. Не желаю! Понимаешь, мое детство прошло в городе, где шла война. Цивилизация мне чужда. – При этих словах я наступила на крышку канализационного люка. Крышка зазвенела и закачалась.

– Тогда надо следить, чтобы ты не провалилась под землю и не попала под машину, – ответил он. – А что ты

еще умеешь, кроме как перебегать дорогу на красный свет?

– Иногда я пишу о том, что видела, о военных преступлениях, трупах и бомбежках.

– О боже! – вырвалось у него.

Я посмотрела на запястье, стрелки на часах показали, что продержалась я без чеченской темы всего три минуты.

Мы шли по Тверскому бульвару, где, омытый зимним дождем, на каменном постаменте стоял памятник Есенину, утопающий в бордовых гвоздиках и кипенно-белых розах.

– Здесь собираются лесбиянки, – доверительно сообщил мой спутник. – Они читают стихи Есенину, поют песни и признаются друг другу в любви.

Приблизившись к памятнику, я заметила миниатюрного конька из камня, чем-то смахивающего на сказочного горбунка.

– Наверное, конек-горбунок сторожит Есенина, чтобы его никто не обидел, – сказала я.

– Это символ литературного кафе «Стойло Пегаса», где любили собираться поэты Серебряного века, – объяснил парень.

Дождь и ветер заиграли победный марш, но я отказалась идти в кафе: мне казалось, что стены будут преградой беседе. Парню ничего не оставалось, как со мной согласиться.

– Представь себе, что сейчас знойное лето. Вокруг зеленая трава. Непогода стихла, испарилась, как легкий туман... Ты слышишь? Нет шума проезжающих машин. Это не ветер, это шелестит музыка, – сказал мой спутник.

Дождь по странному совпадению внезапно стих, а мы шаг за шагом добрались до Старого Арбата.

– Я так и не знаю твоего настоящего имени, – сказала я. – Только ник с сайта.

Он, хитро сверкнув голубыми глазами, ответил:

– Ты первая!

– Нет, ты.

– Владимир, – улыбнулся он.

– Полина. – Я подумала, что Анна – хорошее имя, но лучше сказать правду.

– Давай я расскажу тебе про Арбат? – предложил Владимир. – По мнению историка Трутовского, слово «Арбат» привезли в Москву торговцы с Востока. Оно происходит от арабского слова «пригород». Но точно никто не знает. Это одно из старейших мест Москвы. Представь себе, в пятнадцатом веке здесь еще не жили люди, был ров, а теперь очертания города теряются за горизонтом...

– Весьма поэтично замечено, – засмеялась я.

– Я про Старый Арбат знаю немало, я рисую здесь портреты туристов и живу рядом. Родители мне помогают, финансируют, у них своя строительная фирма. Когда я поступил в МГУ, они на радостях купили мне джип. Бабушки, дедушки – все родились в Москве, мы коренные москвичи, – признался Владимир.

Разноцветные нити вплетают в судьбы парки, то посмеиваясь над людьми, то искренне сочувствуя им.

На Старом Арбате теснились собратья Владимира – свободные художники, рисовали портреты на заказ и продавали картины. Из-за дождя полотна спрятали под клеенчатые навесы.

Мы любовались королевскими галеонами, втянутыми в сражения с пиратскими бригами, храбрыми мустангами, выбирающими смерть в пропасти, но оставаясь при этом свободными, и юными восточными красавицами, мечтающими о любви среди цветов, похожих на стрекоз.

– Пойдем в кафе? – попробовал вернуть меня к жизни Владимир.

Но против еды у меня давно назревало восстание, а в последний месяц я объявила ей мировую войну, не на шутку постройнев.

– Не пойдём.

Еще немного вперед по плитке, намытой прошедшим ливнем, и мы оказались на Новом Арбате. Он был не такой величественный, как Старый, но вид его был весьма аккуратен и смел.

Владимир купил в ларьке соленые сухарики, грыз их сам и угощал меня, высыпав на ладошку.

Разговор зашел о моей работе, и я рассказывала про улыбчивого малыша Никиту, детей Марфы Кондратьевны и отдых на природе.

– Мы недавно потерялись в лесу и семь часов не могли найти дорогу к железнодорожным путям...

Владимир слушал меня с нескрываемым изумлением.

– Зачем тебе нянчить чужих детей?! Почему такой кошмар в семье правозащитников?! Почему ты не могла уехать из Чечни? Отчего у тебя нет своего дома?! Неужели тебе совсем никто не помогает?! – Вопросов было слишком много.

Хотелось придумать себе другую жизнь, в которой не надо на них отвечать.

– Я часто путешествую, бываю в разных странах. Мне нравятся нежные пляжи Таиланда и нарочитая роскошь Саудовской Аравии. А в Испании и Франции мне скучно, только бары и клубы спасают, – поделился он. – А где отдыхаешь ты?

– У меня нет такой возможности.

– Как это?

– У меня нет даже своей комнаты.

– Но ведь был дом, где ты родилась...

– Его разбомбили самолеты.

Владимир задумался. По его лицу было видно, что эта информация никак не укладывается в привычную для него систему ценностей.

– Разбомбили целый город?! В России? А как же люди – граждане нашей страны?

– Целую республику разбомбили. Люди погибли. Кто выжил – ненужный свидетель бойни.

Мы довольно долго молчали, а затем он спросил:

– Ты хоть раз была в ночном клубе?

– Нет. Никогда! – поспешно сказала я. – Это – харам.

Грех.

– Почему ты так говоришь?

– Наши традиции запрещают ходить в подобные места.

– Ваши традиции?!

– Да, наши чеченские традиции. Это строгие догмы, в которых нет места пороку. Так живут не все... И в Чечне есть люди, забывшие, что такое честь и совесть, они употребляют алкоголь и наркотики. Но мы их презираем.

В моих словах не было бравады, здесь, в Москве, я острее чувствовала азы воспитания, полученные на родной земле.

– Моя жизнь проходит в клубах, наверное, лет с четырнадцати, – разоткровенничался Владимир. – Там свободные отношения. Как ты относишься к такой свободе?

– Плохо. И лично я с таким не сталкивалась.

Его удивление, помноженное на шок, невозможно было не заметить. Но точки соприкосновения у нас все-таки нашлись.

– Я читаю Кастанеду, – сообщил Владимир и стал цитировать отрывки из книг о доне Хуане.

Этого я никак не ожидала и тоже начала рассказывать о понравившихся мне снах из книг Кастанеды.

Владимир взял мою сумку, набитую всякой всячиной, и благородно понес ее.

– Знаешь, – сказала я, – последний раз мне несли сумку во втором классе, это был мальчик Серёжа, мой сосед. Сейчас, наоборот, стараются свой рюкзак вручить, по-дружески...

– Так не бывает! – воскликнул Владимир.

– Еще как бывает, – засмеялась я.

Какое-то время мы опять шли молча, а потом я спросила:

– Ты умеешь стрелять?

– Я охотник. Мы с отцом несколько лет как охотимся.

У меня есть трофеи...

– Значит, как в романе «Мастер и Маргарита», смотря как стрелять, смотря во что...

– Вероятно, так.

– И тебе не жаль зверей?

– Станный вопрос. Нет, конечно. Это же развлечение какое поискать. Я очень люблю охоту!

Его признание, что он убивает невинные души, стало крупным минусом. Охотника может оправдать только необходимость добыть пищу для семьи. Безжалостного охотника я не могу взять с собой. Ни на день, ни на ночь, ни на жизнь. Но все же Владимир сумел мне понравиться тем, что внезапно предложил:

– Ты можешь запрыгать на улице? Прямо среди людей?

– Нет, – ответила я, поглядев на редких прохожих.

Люди пробегали мимо нас под зонтиками и старались укрыться в магазинах или кафе.

– А я могу! Вот, смотри! – И Владимир запрыгал по лужам, весело и непринужденно.

Брызги летели во все стороны, прохожие тарасили на нас глаза, а я смеялась и не могла остановиться.

– Пойдем, я расскажу тебе истории о старинных московских зданиях, где какой боярин жил или князь. Я знаю много историй, моя бабушка преподает в МГУ, – предложил Владимир.

Мы шли по улицам и бульварам, где каждый дом хранил предания и легенды, увлекательные мифы и реальные исторические хроники.

После нескольких часов ходьбы по центру Москвы мы спустились в метро.

– Тебе обязательно нужно сходить в ночной клуб, Полина, – наставлял меня Владимир. – Ты потерялась в жизни: строгие традиции Кавказа, босоногая Россия средней полосы, безысходность, одиночество, чужие дети в Москве, безалаберные взрослые, которые никому не могут помочь, а прежде всего себе. Ты много работаешь, живешь честно, но каждый твой день – мертвый.

– А что делаешь ты? – спросила я.

– Курю травку, пью вино. Путешествую. Работаю, но не более трех часов в день, никогда в жизни не работал двенадцать-пятнадцать часов в сутки, как ты. Каждый вечер я иду в клуб и пропадаю там до утра. Я слушаю музыку, снимаю девушек. Я – живой, а тебя уже нужно спасать.

– Ты сказал, что в ночные клубы приходят свободные девушки. Если бы я пошла туда, люди и меня приняли бы за такую.

Владимир задумался, а потом ответил:

– В ночные клубы приходят мужчины и женщины. Больше никого не существует. Они выбирают себе развлечение на ночь. Другого мира не существует, по крайней мере, в цивилизованном обществе. Все остальное – каменный век. Пойдем со мной, я покажу тебе этот мир.

Был великий соблазн закрыть глаза на все догмы, традиции и приличия и отправиться хоть раз в жизни в ночной клуб, а утром, разумеется, не выйти на работу. Об этом я благоразумно промолчала, а вслух произнесла:

– Мне пора. Дети Тюки ждут ужина. Приятно было познакомиться.

Мы сошли с эскалатора и на платформе встретились взглядами. Я поняла, что это первая и последняя наша встреча, он никогда мне больше не позвонит, этот московский парень из мира свободной любви.

Владимир на прощание кивнул, сделал несколько шагов, а потом вдруг резко обернулся и, когда я уже вошла в вагон, бросился назад. Он схватил мою руку и поцеловал. Надо сказать, что я оторопела от неожиданности и едва расслышала его голос под традиционное объявление: «Осторожно, двери закрываются».

– Прощайте, Полина.

Наступил март 2008 года.

Антилопа и Бизон переезжали в Троицк и настойчиво звали меня с собой.

Троицк – городок недалеко от Москвы, в нем около пятнадцати тысяч жителей. Упорно ходили слухи, что вскоре его присоединят к столице, проведут метро и он станет Новой Москвой. В час пик оттуда до столицы тянулись многокилометровые пробки.

Приехав в Троицк, я расклеивала на фонарные столбы объявления о съеме комнаты. О том, чтобы снять однокомнатную квартиру, речи не было: на это ушла бы вся зарплата. Я искала комнатку с хозяйкой, чтобы отдавать ей семьдесят процентов от заработка. Хотелось, чтобы это была женщина порядочная, а не воровка или алкоголичка.

Расклеив объявления, я купила в супермаркете булочку, которая оказалась непропеченной. Я расстроилась. Решила поискать мусорный бак, но его поблизости не оказалось, пришлось идти по дворам. Закралась мысль: «Кто вернет мне деньги?» Покрошила булочку на ступеньки у сарая, чтобы ее склевали птицы, и вдруг

меня словно током ударило, оглянулась – рядом лежат двадцать рублей. На улице никого.

Приехала я в дом Марфы Кондратьевны ободренная, что Всевышний не оставил меня, отправил ко мне причину и помощь в виде Мастера Находок, а тут еще Лев Арнольдович принес благую весть: благодаря прописке в Москве ему назначили пенсию.

– Каждый месяц будут выплаты! Есть пенсия! Есть прописка! Пятнадцать тысяч рублей назначили! – радовался Лев Арнольдович.

Он попытался заглянуть мне в глаза:

– Поля, признавайся. Что ты на Тюку накопила? Как заставила ее меня прописать?!

Я отшутилась:

– Лев Арнольдович, я, по-вашему, Джеймс Бонд?

– Дело тут явно нечистое, – посмеивался в бороду Лев Арнольдович. – Столько лет она меня не прописывала, без копейки сидел, а тут сама предложила, настояла, уговорила...

– Вы же будете деньги на детей тратить. Она это поняла, – ответила я.

– А мамы дома нет, – подбежал к нам Христофор. – Мама вышла с плакатом на улицу, а потом мы позвонили ей, а она в Женеве!

– Пенсию мне на днях перечислят! – Льва Арнольдовича занимали собственные мысли.

– Поздравляю! – сказала я.

– Решил с первой получки пять тысяч рублей отправить твоей маме в Бутылино, – сказал Лев Арнольдович.

– Спасибо! – Я удивилась такой неслыханной щедрости.

– Будем праздновать! – Глафира показала из кухни, вся в муке. – Я приготовлю блинчики по рецепту Полины!

В дверь позвонили. Я пошла открывать. Оказалось, что отметить назначение пенсии Льву Арнольдовичу

приехали примирившиеся Диссидент Суслик и правозащитник Саша Мошкин. В руках они держали бутылки с алкоголем.

– Вы о детях помните?! Здесь дети живут! – строго воззрилась на них я. – Или вы только себе выпивку при-тащили?!

– Помним мы о детях, – насупившись, ответил мне Саша Мошкин.

Пакеты с фруктами и шоколадом они поставили у лифта в подъезде.

Когда я внесла черные непрозрачные пакеты, дети окружили меня и началась дележка сладкого, а мужчины ушли на кухню. Мы ели торт-ассорти прямо в прихожей на диванчике и пили кока-колу, разливая ее в пластиковые стаканы.

Христофор, расхрабрившись, пару раз попробовал стащить бокал вина на кухне, но я бокал у него отобрала и отдала отцу.

Диссидент Суслик жаловался на одиночество, и пил, и пил, и пил...

Лев Арнольдович вспоминал молодость – хвастался, как глушил самогон ведрами. И без конца повторял: «Это было искусство!»

– В юности мы как-то наклюкались до уникального состояния, – вспоминал он. – Нас в комнате было человек семь, кто-то на столе заснул, кто-то – под столом. Утром проснулись, а на том, кто спал на столе, тарелка с салатом стоит.

– Ха-ха-ха! – смеялись гости.

– А в другой раз мы так напились, что вообще ничего не соображали, и мой товарищ Потап, он тогда еще не был просветленным, вышел покурить на балкон и свалился с третьего этажа. Ничего не сломал – полежал в канаве, отряхнулся и притопал обратно...

– Так это он потом стал просветленным, когда с пятого упал! – напомнил Суслик.

– Точно! – подтвердил Лев Арнольдovich. – Прекрасная молодость! Мы били камнями фонари у отделения милиции. Я был настоящим героем – пописал на милицейскую дверь!

И текли бесконечные разговоры о психотропных грибах, попробованных с Потапом, про лесных эльфов, с которыми они говорили, наевшись мухоморов, и про советское диссидентство – это была любимая тема.

Правозащитник Саша, как выяснилось, прибыл к нам прямо из милицейского участка. Его туда забрали накануне.

– Меня пытали, – жаловался он. – Проклятые менты! Подвесили за руки. Наручники надели и зацепили за трубу. Теперь одна рука не шевелится. Я буду в суд на них подавать.

– За что тебя задержали?! – ахнул Лев Арнольдovich.

Мошкин покраснел и забубнил под нос, что его забрали потому, что накануне он смастерил плакат, на котором вывел красным фломастером: «Наша власть – говно!» Саша спустился в метро и потребовал от прохожих, чтобы они подтвердили написанное. Прохожие идею не поддержали и вызвали милицию.

В финале попойки Суслик и Саша вышли покурить в подъезд, и начался свинячий скандал с соседями. Они дымили под чужой дверью, и соседи попросили их уйти на специальную площадку для курения. Мошкин принялся материть соседей, те в ответ привели бойцовую собаку на поводке. Крик поднялся на весь подъезд. Услышав слова «гребаная шобла» и «сейчас вызовем стражей порядка», Диссидент Суслик и правозащитник Саша отступили.

Утром из Женевы явилась Тюка. Она притащила сумку с закусками.

– Откуда?! – удивлялся, опохмеляясь, супруг.

– Набрала, когда позвали на прощальный ужин. Видишь, я тоже о семье думаю. Не только Полина о вас заботится.

Дети не задавали лишних вопросов, а завтракали с нескрываемым удовольствием. Заглянув под раковину, Марфа Кондратьевна обнаружила пустые бутылки и возпросительно взглянула на Льва Арнольдовича. Супруг отвел взгляд.

– Папа вчера пенсию обмывал! – поделилась с мамой Ульяна.

– Ясно. Теперь идем в церковь, грехи отмаливать, – сказала Марфа Кондратьевна.

– Я пас, – сразу заявил Лев Арнольдович.

– Все! Живо! – прикрикнула Тюка. – Иначе волоком потащу.

Дети бросились одеваться, попутно спрашивая у меня, где шапка, а где куртка.

– Ищите, куда вчера бросили. Под столы заглядывайте, – руководила я процессом. – Под диваном уже смотрели?

Лев Арнольдович слабенько пробовал возражать, но супруга была неумолима.

– Скоро чеченцы приедут. Сейчас в церковь пойдем, затем мусульманам поможем.

– Опять в Европу переправлять будете? – спросила я.

– Далась тебе эта Европа, Полина! Ничего там хорошего нет! – огрызнулась Марфа Кондратьевна. – Ну, кроме колбасы и сыра, конечно. Чеченцы по дороге в Ульяновскую область сделают в Москве остановку. Их сына обвинили в терроризме, история там мутная, он хотел заложников спасти, вел переговоры, а потом все на него

повесили. Его мать, тетка и двоюродная сестра приедут. Им правозащитный фонд денег дал на дорогу в тюрьму и обратно. Плюс питание.

Как только все ушли, зазвонил телефон.

– Приглашаю Льва, тебя и детей в гости! – раздался в трубке голос Потапа.

Я, наслушавшись накануне о шаманском зелье из мухоморов, едва сдержала смех. Он еще посмел выдавать себя за волшебника!

– Все в церковь пошли, – сообщила я. – Молиться будут.

– И часто с ними такое? – хохотнул Потап.

– Недавно батюшку-тамаду пригласили. И такой казус случился, Аксинья нашла бутылку первой...

Потап, слушая меня, не удержался от громкого смеха.

– Ха-ха-ха! В такие моменты я начинаю верить в Господа!

– Будет вам, – пожурела я его.

– А как дела в целом?

– Налаживаются.

– Знаю, Лев пенсию оформил.

– Не только это. Я помогла ему зарегистрироваться на сайте для поиска дополнительного заработка.

– Может, хоть ты сделаешь из него человека!

– В Битцевском лесу опять нашли труп, и Лев Арнольдович заявил, что битцевский маньяк был не один, у него есть последователи, – сказала я, чтобы сменить тему.

– Надо же! Дурдом Тюки и маньяки рядом! Закономерно! – Потап давился от смеха.

– Всего доброго.

– Раз они ушли, приезжай к нам сама. Ты же дорогу знаешь. Дома я, жена, дочка. Брат приехал! – сказал Потап.

– Ладно, – согласилась я.

Поездка в Чехов привлекала меня больше, чем бесконечная уборка и суматоха в доме Марфы Кондратьевны.

Ехать в электричке без друзей – крайне утомительное занятие. Безбилетники по-прежнему перебежали из вагона в вагон, пытаясь перехитрить контролеров. Я смотрела на измученные лица запуганных пассажиров, и мне хотелось плакать от безысходности. Несчастливым людям предложи хоть блин на лопате, хоть пакет гречки раз в год, они будут драться, топтать друг друга, как на Ходынке...

Дом Потапа возвышался над остальными строениями, словно показывая свое превосходство.

Анфиса открыла дверь и приветливо улыбнулась. Здесь радушно принимали гостей. И сегодня приготовили овощное рагу, испекли сочный пирог с капустой, заварили душистого чаю. Вкусные ароматы наполняли пространство.

Едва я вошла, Потап вручил мне ноутбук и показал фотографии пещер в Сибири, где они с женой были прошлым летом.

– Шаманов приветствуют пещерные духи! Видишь тени на стенах? – спросил он.

– Духи показываются только избранным! – поддакнула мужу Анфиса.

Я рассматривала фото, поставив ноутбук на колени, а Потап отбежал к плите, посолить соус.

– Ты, Полина, ноутбук на стол поставь, а то батарея перегреется, – невзначай сказал он.

Замечание мне не понравилось. Гостям, по кавказской традиции, замечаний делать нельзя.

Не успел Потап договорить, как солонка выскользнула у него из рук и оказалась в кастрюльке. Соус мгновенно впитал всю соль.

Потап внимательно посмотрел в кастрюльку, а потом на меня, и произнес с досадой:

– Эх, лучше бы я помалкивал!

Соус пришлось вылить...

За обедом Потап выглядел счастливым, рассказывал о себе и брате, которого называл Альпинистом, травил байки о восхождении в Гималаях. Младший брат Потапа настойчиво пытался меня к себе расположить, но я вовремя задала уточняющий вопрос, и оказалось, что он женат и у него трое детей. На это я прямо сказала, что чужие семьи не разбираю, это – непреложный закон, и Альпинист, грустно вздохнув, отправился после трапезы на первый этаж, читать мои рассказы, которые распечатал.

– Есть надо в десять утра и в четыре часа дня! Такая цикличность помогает держать организм в тонусе, – наставлял нас Потап.

Старики родители каждые полчаса громко спрашивали:

– Когда обед?!

– Забыли, что только поели, – комментировал Потап.

Он показал мне новые книги в библиотеке. И попросил найти книгу, которую заранее спрятал. Я сконцентрировалась и вытащила «Тайны пола». На темно-синей обложке красовался золотой Ганеша, а между страниц лежала записка «Выбери меня». На всякий случай я открыла несколько других книг – в них записок не было.

– Вот видишь! – вскричал потрясенный Потап. – Из тысячи книг ты вытащила именно ту, что я загадал! Ты особенная!

Анфиса невероятно разозлилась на эти слова. Ее лицо искривилось, плечи задергались, дыхание сбилось.

– С вами все в порядке? – Я бросилась на помощь, но Анфиса шарахнулась от меня.

Фирюзе спокойно и чинно улыбалась, не разделяя переживаний матери.

Я всегда воспринимала Потапа как мудрого пожилого человека и не рассматривала его ни в каком другом каче-

стве, кроме как «старый знакомый Льва Арнольдovichа». Мне было непонятно, отчего так расстроилась Анфиса.

Мне хотелось отыскать первую звездочку на вечернем небосклоне и загадать желание, поэтому я спустилась на первый этаж и прикинула к телескопу.

– Хочу сказать тебе, Полина, нечто сокровенное, божественное. – Потап не оставлял меня. – Раз ты нашла книгу, это знак! Я был в долине Кулу, на месте сожжения Николая Рериха, и там встретил своего учителя из Гималаев.

– Это же замечательно!

– Да. Я жил в Индии и постиг истину, – заговорщицки продолжал Потап.

– В чем заключается истина?

– В исцелении людей. Великая миссия возложена на меня!

– Знаю, вы лечите аутичных детей.

– Ты не понимаешь, как это происходит, а я хочу объяснить.

– Вы читаете молитвы? Заговоры? Медитируете? – спросила я вежливо, чтобы поддержать беседу.

Глазки Потапа забегали, и он выдал:

– Тантра-йога!

– А что это? Знаю философское учение Рерихов – Агни-йогу, люблю Хатха-йогу – психофизическую технику древних индийцев, пробовала Раджа-йогу – контроль ума посредством медитации, – перечисляла я, отвернувшись от телескопа.

– Тантра-йога – это интимное направление, древнейшая школа самосовершенствования! Нужно войти в экстаз, и все встанет на свои места! – Потап просиял.

– Вы так больных лечите?

– Фирюзе была овощем, табуреткой, а я стал с ней жить как с женой, когда ей исполнилось одиннадцать лет, и смотри, Полина, какой прогресс: она заговорила!

– Что вы сделали?!

– Я ей помог! – с вызовом ответил Потап. – И другим детям помогаю! Моя жена не против этого, сама разрешила! Я давно так людей лечу: и мужчин, и женщин, и подростков! Мне за это хорошо платят!

– Какой ужас! Педофилия! Вы же развратник! – бросила я ему в лицо.

– Я тебя, идиота, предупреждала, что ей нельзя доверять! Зачем ты сказал этой недостойной о секретном лечении неврозов? – Анфиса спустилась со второго этажа и, как выяснилось, подслушивала.

Потап на крики жены даже не повернул голову.

– Я считаю, что моей дочери от этого лучше! – с вызовом заявила Анфиса. – Она из дома никуда не выходит, ни с кем не общается, мы – ее семья!

– Это не секс! – терпеливо уверял меня Потап. – Это религия! Тантра! Соитие ради любви! Всем хочется мужика! Раньше девочек с десяти лет замуж выдавали! А в некоторых странах до сих пор выдают!

– Прекратите сейчас же! – оборвала я его. – Как вам не стыдно?! Вы изнасиловали больного ребенка, а считаете себя чуть ли не богом!

– Неправда! Ее мать мне разрешила и сама приняла в этом участие! – оправдывался Потап.

Я понимала, что обращаться в милицию бесполезно: меня без московской прописки могли задержать, избить, могли надругаться надо мной. Ситуация была сложная.

К нам спустилась Фирюзе и, улыбаясь, сказала:

– Хочу мужика! Люблю Потапа!

«Пусть живут как хотят, – подумалось мне. – В конце концов, сейчас она уже не ребенок».

Анфиса продолжала злиться, понимая, что я не разделяю их взглядов:

– Ты пришла в этот мир энергетическим провокатором! Ты заставляешь всех себя ненавидеть! Ты и нас провоцируешь, Полина!

– Послушайте, вам действительно нравится, чтобы ваша дочь удовлетворяла похоть Потапа? Вы в бешенстве, Анфиса, что я против этого. Вы ошиблись, сказав мне правду. Меня иногда ненавидят женщины преклонного возраста, чья молодость оказалась растрчена на мужчин. Взрослые и умные, они теряют контроль над собой, когда видят девушку, которой нужна семья, которая не пьет и не курит.

Анфиса от моих слов пошла пятнами и дико завизжала, а Потап захохотал, а потом сказал супруге:

– Чего разоралась, Анфиска, как курица на насесте? Совсем не жалко последние перья, они вон как летят...

– Я умею видеть, я – шаман! – У Анфисы началась настоящая истерика. – Полина излучает негатив! Поэтому она не одобряет тантрический секс! Она маг-разрушитель!

– Да, я стараюсь разрушить все плохое. Для меня главное – нравственность и мораль, – ответила я

– Обедать звали?! – это кричали старики из флигеля.

– Вся семья на мне. Всех корми, всех лечи... – Потап поспешил к ним.

Я вышла в холл и, простившись с красавицей Фирюзе, закрыла за собой дверь.

Из электрички, увозившей меня в Москву, я позвонила Саше Мошкину. Он звонку обрадовался и напомнил, что он правозащитник и где угодно наведет порядок. Продиктовал адрес офиса в центре города.

Фонари светились, словно гирлянды, на мой шарф падали хрупкие снежинки, а я шагала в надежде, что смогу добиться справедливости.

– Сейчас я вам такое расскажу! – оживилась я, увидев Мошкина.

– Я целый день не ел, Полина. Здесь рядом хорошая кофейня, у ГИТИСа.

– Пойдемте, – согласилась я.

Мы сели за столик, заказали кофе и пончики, и я выложила все, что узнала о Потапе.

– Вы будете защищать Фирюзе и других детей? – с надеждой спросила я.

Мошкин вначале посмотрел на меня выразительно, затем – насмешливо, а потом так громко расхохотался, что с него слетели очки. Пропитое лицо его подергивалось, седые кудряшки на голове колыхались, а тело содрогалось, как от конвульсий.

– Ха-ха-ха! Насмешила так насмешила! Ты чего, Полина?! Кого защищать?! Потап не сейчас это придумал! Он уже сорок лет этим занимается! Сейчас он начал ссылаться на индийскую философию, а до этого выдавал оргии за сибирские обряды. Все его друзья в курсе, а некоторые даже участвовали в групповых сеансах. Вот я, например. – Саша Мошкин напыжился от гордости.

– А Лев Арнольдович?! – немея от ужаса, спросила я.

– И Лев! – подтвердил Мошкин. – Но не сейчас, а в молодости! Потап оргии устраивал в Сибири... Вот, помню, были он, я, Лев и еще шесть девушек...

– Стоп! То есть вы это одобряете? Вы называете себя известным в мировом поле российским правозащитником!

– Что такого? – пожал плечами Мошкин и невозмутимо отхлебнул кофе: – Секс нам всем в удовольствие! Это ты с чеченских гор спустилась, а мы свободно живем! Родина-матушка позволяет...

Я надеялась, что правозащитник вместе с адвокатами обратится в милицию, а он, оказывается, все годы знал правду и сам принимал участие...

– Потап сорок лет назад создал творческий союз, – продолжал Мошкин, причмокивая пончиком. – Люди под его руководством занимались групповым сексом во славу Нуми-Торума, создателя мира, в которого верят ханты и манси. Потом стали заниматься сексом во славу Шивы, но это уже после его индийских приключений. Разве тебе в его доме не показывали алтарь? Он же молится на глиняное мужское достоинство, и приверженцы его культа – тоже!

– Мне он ничего такого не показывал... – только и смогла выдохнуть я.

– Да я сам вхожу в этот союз! Потап утверждает, что всех, у кого депрессия, невроз или психоз, можно спасти только качественным групповым сексом. Он всю жизнь людей спасает! А у нас, правозащитников, сама понимаешь, стрессов и неврозов – море. Нам поддержка нужна! Только с Диссидентом Сусликом у него ничего не вышло. Суслик – кретин с моральными устоями. Поэтому Потап, чтобы его наказать, картину забрал...

– Аксинью Потап тоже так «спасал»? – догадалась я.

– Всех больных, – Мошкин ушел от прямого ответа.

– То-то Потап с Анфисой мне и Глафире несколько раз предлагали «энергетическое лечение»! Так вот чем они занимаются, мерзавцы!

– Я тоже этим занимаюсь. И Лев раньше занимался. Это теперь он из себя праведного дедушку корчит, а когда-то был одним из самых преданных адептов!

– Может, вы наговариваете на людей? Бессовестно лжете?! Я все расскажу Марфе Кондратьевне и Льву Арнольдовичу! – пообещала я.

– Да пожалуйста. – Мошкин равнодушно пожал плечами. – Я могу даже поприсутствовать при этой беседе. Я ничего не боюсь, особенно простых человеческих истин.

Домой я буквально неслась, твердо намереваясь поговорить с Марфой Кондратьевной, поскольку других правозащитников в Москве не знала.

Тюка сидела в кабинете у компьютера. На экране был текст о правах человека.

Слушая мой возмущенный шепот, правозащитница на глазах покрылась бордовыми пятнами, затем резко позеленела, а потом, не разбирая дороги, натыкаясь на мебель и кошек, бросилась ко Льву Арнольдовичу, мирно дремавшему на раскладушке.

– Так вот что натворили упыри проклятые! Сволочи! Развратники! Вот почему Аксинья не девственница с десяти лет! Признавайся, старый, что вы сделали вместе с Потапом?! – заорала Марфа Кондратьевна, принимаясь его душить.

Лев Арнольдович сумел оттолкнуть супругу, но перепугался, вскочил, схватился за сердце и побледнел. Мы его не узнавали. Он заикался, с трудом подбирал слова, оправдывался, что Аксинья психически больная.

– Потап – хороший человек, он ни при чем, – твердил Лев Арнольдович, защищаясь от супруги газетой. – Потап только с другими...

– Я милицию вызову! – грозилась Марфа Кондратьевна. – Я посажу его за педофилию и тебя – за сокрытие!

– Он говорил, что это лечение, что оно реально помогает. Аксинья больна, ей помощь нужна. Я поверил ему, но сам не принимал участия. Бог свидетель! – божился Лев Арнольдович.

– А в молодости, говорят, у вас была секта?! – вкрадчиво спросила супруга Марфа Кондратьевна.

– Это до нашего с тобой знакомства, голубушка! Потом – никогда! Никогда! Бог мне свидетель...

На шум прибежала перепуганная Глафира:

– Полина, папа, что происходит?

Глафиру мы с Тюкой усадили рядом со Львом Арнольдовичем на раскладушку и долго расспрашивали о доме Потапа.

– Дед Потап как-то раз показал мне молитвенный алтарь. На алтаре возвышался мужской член из глины! Он его целовал, ему кланялся и мне велел! – созналась Глафира. Она даже вспотела от наших расспросов.

– Почему ты молчала?! – в сердцах вскричала я. – Почему не сказала мне?!

– Это же секрет, о секретах никому нельзя говорить... Дед Потап сказал, что показывает мне секрет, а потом еще один покажет... – оправдывалась Глафира.

– Дед Потап давал мне пипиську потрогать! И Любомиру – тоже! – На пороге комнаты замаячил Христофор.

– Пипиську из штанов?! – ахнула Тюка.

– Нет! Розовый писюн из резины, толстенький такой, с прожилками. У деда Потапа целый мешок больших и маленьких пиписек хранится в бане, где мы мылись. Потап вытаскивал их из мешка и давал потрогать мне и Любомиру. – Христофор засмеялся. – Пиписьками можно сражаться, как на шпагах!

– Никогда, слышишь, никогда больше ты к этой скотине не поедешь и детей моих туда не повезешь! – заорала перекошенная от злости и слез Марфа Кондратьевна в лицо Льву Арнольдовичу.

И я, наверное, впервые в жизни была с ней солидарна.

Лев Арнольдович, белый как снег, покорно кивал в ответ. Пятьдесят лет дружбы с Потапом закончились благодаря несдержанному языку Потапа и моей любви к разоблачениям. Не предложи мне Потап поучаствовать в сексуальных игрищах, никто бы ничего не узнал. Пил бы Лев Арнольдович с другом по-прежнему, вспоминая лихие молодые годы...

– А дядя Саша сказал, чтобы я получала от жизни удовольствие, чтобы с мужчинами поближе знакомилась,

а для этого нужно снять одежду и разрешить себя потрогать, – продолжала исповедь Глафира.

– Мошкина тоже на порог не пускать! – рявкнула Тюка.

Распсиховавшись, она ушла посреди ночи в церковь, но вернулась оттуда под утро мрачнее прежнего: батюшка велел сор из избы не выносить и о шамане-педофиле помалкивать.

– Что социальная служба скажет? Детей отнимут?! Пенсию за Аксинью отберут? Выходит, я плохая мать?! Выходит, мы плохие родители?! Никчемные мы родители! Столько раз мы отдавали детей в семью Потапа! То на неделю, то на две! Он с Аксиньей и Ульяной ездил на море в Болгарию и Турцию! Что там происходило? Нельзя, чтобы люди узнали! Как же моя репутация? Репутация дороже всего! – Марфа Кондратьевна ходила по прихожей, разговаривала сама с собою и пила валерьянку. – Появилась Полина и сразу все разнюхала. Мы, значит, плохие родители! Куда мы смотрели?! Надо молчать, молчать, молчать...

Признание Потапа я не записала на диктофон, я не знала, что друзей Льва Арнольдовича надо записывать, что среди них есть такие страшные люди. Поэтому прямых доказательств у меня не было. Марфа Кондратьевна являлась самым заинтересованным в его наказании человеком, но решила обо всем молчать.

Остаться в этом доме я более не хотела и обрадовалась, когда позвонили насчет комнаты в Троицке. Я сразу договорилась об аренде, рассчитывая, что, питаясь на работе и снимая комнату, до конца года смогу выплатить кредит за мамину халупу.

Пока я собирала вещи, в дом правозащитников прибыли гости из Чечни: Тоита, Малика и Камилла. Они ахали и охали, безошибочно сообразив, куда попали. Самая

пожилая из них, Тоита, мать парня, которого обвинили в терроризме и закрыли в тюрьме в Ульяновской области, разговорилась со мной.

– Ты из Грозного – значит, мы родные люди, – сказала она.

– Вы помогите детям Марфы Кондратьевны, приготовьте им еду, я уезжаю отсюда, – попросила я.

– Конечно! Пока я здесь, будут сыты. Сейчас поставлю тесто на беляши. – Пожилая чеченка была рада позаботиться о чужих детях.

Отвлекшись от сборов, я помогла ей настрогать лук для фарша, а юная племянница Тоиты Малика и ее сестра Камилла раскатали тесто. Когда зашел разговор о дневнике, Камилла вспомнила:

– Ты журналистом в Грозном работала! Я читала в газете твои статьи!

– Работала, – подтвердила я.

– Тебе совсем никто не помогает в Москве? – ахнула Тоита. – Нам правозащитники помогают, сто тысяч рублей дали на дорогу.

– Мне и матери никто даже рубля не дал, – сказала я. Женщины покачали головами и переглянулись.

– Тетушка, – зашептала Малика, – Полине нельзя говорить...

– Мне только Аллах указ! – строго ответила Тоита племяннице. – Марфа Кондратьевна потребовала, чтобы мы тебе ничего не говорили о помощи, не подсказывали, но я все-таки скажу. Слушай внимательно, Полина, и запоминай. Если нигде будет жить, если у тебя не будет еды, есть одна женщина, которая может помочь. Она – порядочный человек, а не лицемерка или подлая тварь, каких нынче полным-полно. Ее зовут Светлана Ганнушкина. Организация, в которой она работает, называется «Гражданское содействие». Обязательно найди ее!

– Баркалла! – поблагодарила я. – Пока сама справляюсь. Но я запишу это имя.

– Поищи Светлану Ганнушкину! Дай ей дневники почитать, – закивали чеченки. – Она добрая, честная, живет скромно, все, что имеет, раздает людям.

Лев Арнольдovich, еще не отошедший от скандала, расстроился, узнав о моем отъезде. Слезы катились по его щекам и стекали в бороду. Марфа Кондратьевна не вышла меня проводить, закрылась в кабинете. Гости из Чечни, не унывая, шутили и стряпали на кухне. Я поцеловала в нос Мяо Цзэдуна, Чубайса и Мату Хари.

– Ваш пакет с кормом спрятан на лоджии! – сказала я кошкам.

– Обещаем кормить их вовремя! – кивнула Глафира.

Ей я подарила новое нижнее белье, кожаную куртку и джинсы. Ульяне, Любомиру и Христофору – модные кроссовки и резные деревянные шахматы. Аксиные перепал спортивный костюм и рулет с шоколадом, и она, внимательно заглянув мне в лицо, замычала и погладила меня по спине.

– Мы кое-что приготовили для тебя, – сказала Глафира, протягивая мне странный бумажный сверток, перевязанный поясом от халата.

– Это носки из шерсти кошек? – пошутила я.

– Открой, абрек! – попросил Христофор.

– Да! Это от нас подарок! – запрыгали Ульяна и Любомир.

Я развернула неуклюжий сверток и увидела внутри фонарь из цветного стекла.

– Пусть он освещает твой путь! – вразнобой закричали дети, бросаясь меня обнимать.

– Спасибо! Мама вас не поругает? – спросила я.

– Нет, она разрешила. К тому же фонарь принадлежал Глафире, – пояснил Христофор.

Дети вызвались проводить меня до автобуса. Дорожную сумку на колесиках катил Лев Арнольдович.

– Да я околею здесь! Без сочувствия! Без бутербродов! Когда я теперь поем борща? А курицу?! А гренки?! – горестно вздыхал он.

– Полина обязана приезжать к нам раз в неделю! – сказал Христофор, завоеватель моего сердца. Он сосал желтый леденец из коробки, которую я вручила детям как прощальный сюрприз. В шапке набекрень, с разрисованными фломастерами щеками, он выглядел как настоящий пират.

– Котлетки! Шарлотку! Пюре! – наперебой перечисляли Любомир и Ульяна. – Полина к нам приедет и приготовит!

– У нас по субботам будет пир! – улыбнулся Христофор.

– Святой день шаббат! – согласился Лев Арнольдович.

– Полина научила меня готовить оладьи, яичницу, суп, плов с курицей и вареники с картошкой! – напомнила Глафира. – Вы не умрете с голоду, не приbedняйтесь!

Мы вышли из подъезда и у мусорных баков столкнулись с дворниками Рузи и Давладбеком. На их смуглых лицах замелькали улыбки.

– Как сыновья? Как Бахор? – спросила я.

– Жену я отправил домой, в Таджикистан, – сообщил Давладбек. – Куда ей в Москве с тремя детьми, по подвалам ютиться? Скоро она опять будет мамой, теперь дочку ждем!

– Поздравляем! – завопили мы.

Братья-дворники еще больше заулыбались и помахали нам метлами.

Неспешно направились мы к станции метро «Битцевский парк», а над нами сквозь тяжелые облака проглядывали редкие солнечные лучи, напоминая, что весне нельзя преградить дорогу...

– Ты не умеешь нормально готовить! Полина умеет лучше! – поддел сестру Христофор.

– Я буду стараться, – насупилась Глафира.

– У Глафиры все получится! – сказала я. – К тому же теперь у папы есть московская прописка и пенсия! Он будет покупать продукты!

– Буду! – заверил меня Лев Арнольдович.

Он перевел почтовым переводом моей маме пять тысяч рублей, как пообещал. И мама раздала долги в сельском магазине, где продавец всем малоимущим давал продукты в долг и заносил их имена в специальную тетрадь. За неделю тетрадь была им полностью исписана.

– Полина, нам ждать тебя в следующую субботу? – спрашивали дети и Лев Арнольдович, стоя возле автобуса «Москва – Троицк».

– Ждите! – крикнула я в открытую створку окна под изумленные взгляды других пассажиров.